

Цескорка

Кубинские встречи

К очерку на 28-й странице

На снимках: **вверху слева** — Премьер-Министр Кубы Фидель Кастро; **внизу слева** — крестьянин Педро Родригес, который полон решимости с оружием в руках защищать свою страну. Паренек с живыми вдохновенными глазами, которого вы видите на третьем снимке, тоже записался в народную милицию.

Фото В. Володкина

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

ЭТОТ ПОДВИГ БУДЕТ ЖИТЬ В ВЕКАХ!

Дорогие ребята!

Этот номер «Искорки» был уже готов, когда весь мир услышал голос Человека из космического пространства. Первый в истории планеты космонавт — гражданин Союза Советских Социалистических Республик — Юрий Гагарин.

Свершилось великое событие. Впервые в истории человек осуществил полёт в космос.

12 апреля 1961 года в 9 часов 7 минут по московскому времени космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту поднялся в космос и, совершив полёт вокруг земного шара, благополучно вернулся на священную землю нашей Родины — Страны Советов.

Это — беспрецедентная победа человека над силами природы, величайшее завоевание науки и техники, торжество человеческого разума. Положено начало полётам человека в космическое пространство.

В этом подвиге, который войдёт в века, воплощены гений советского народа, могучая сила социализма.

Первый космонавт

Как же сердцу радостно

не биться

В этот самый радостный из дней!

Обняла весенняя столица

Одного из лучших сыновей. •

Это он — обычный русский

парень,

Подвигом прославивший народ.

И теперь фамилия Гагарин

На века в историю войдет.

Оля БЕШЕНКОВСКАЯ
7-й класс, 76-я школа

На снимке: Герой Советского Союза
Юрий Алексеевич Гагарин.

Рассказ об одном письме

СКОЛЬКО нужно времени для того, чтобы прочесть небольшое письмо? Час? Два часа? День? Оказывается, иногда для этого нужно много дней, недель и даже месяцев. И это вовсе не зашифрованное особым кодом или написанное на неизвестном языке письмо.

Речь идет об одном из сотен писем Владимира Ильича Ленина.

1. Таинственные слова

СВОИМ родным, в особенности матери, Владимир Ильич писал очень часто, если, конечно, не мешали какие-нибудь особенные обстоятельства.

В письмах к родным он скупо писал о своём здоровье, развлечениях или отдыхе, но зато очень подробно о всяких событиях общественной, научной жизни и революционной борьбе. Вести легальную переписку с родными Владимиру Ильичу было очень трудно, потому что все они находились под тайным надзором полиции и шпионов. Агенты полиции то и дело перехватывали и вскрывали письма.

Владимир Ильич всё это прекрасно понимал и старался в своих письмах упоминать как можно меньше имен или обо-

значать их так, чтобы могли понять только родные.

В его письмах к родным фигурировали таинственные «Историк», «Писатель», «Китайский путешественник», «Господин, с которым мы... катались на лодке» и т. п. Можно себе представить, в какую ярость приходили полицейские агенты, читая эти клички и не будучи в силах расшифровать их!

Между тем родные прекрасно знали, что под кличкой «Историк» и «Писатель» Владимир Ильич подразумевал видного революционера И. И. Скворцова-Степанова, а под «Китайским путешественником» и «Господином, с которым мы прошлым летом катались на лодке» подразумевались А. П. Скляренко и В. А. Левицкий.

Условными словами обозначал в своих письмах Ленин определённые вещи или события.

Однажды родные переслали Ленину важный документ, который заделали в альбом с фотографиями. В ответ на это Владимир Ильич писал им: «Очень благодарю за присланные книги и особенно за чрезвычайно красивые и интересные фотографии».

В другой раз ему нужно было сообщить родным, что в Петербурге происходят аресты революционеров. В одном из писем появляется такая безобидная фраза: «В Питере с приближением весны ходят, говорят, разные эпидемические болезни».

После смерти Владимира Ильича Ленина было решено опубликовать часть его писем. И тут выяснилось, что многие места этих писем, которые были в своё время понятны его родным, не поддаются расшифровке. За подготовку этих писем Ленина к печати энергично взялись учёные Института марксизма-ленинизма, где хранится почти всё, что было написано Владимиром Ильичём. Они привлекли к этому делу многих видных революционеров, учёных и людей, знавших Ленина.

Многолетняя кропотливая работа дала возможность разобрать и прокомментировать почти все неясные места в письмах Ленина к родным. Почти все!

До сих пор есть еще отдельные места в некоторых письмах, которые так и остались

неясными. Работа над письмами Ленина продолжается, и когда-нибудь они все обязательно будут полностью прочтены.

Это рассказ о том, как разбирали учёные одно такое письмо Владимира Ильича и как удалось обнаружить ещё неизвестный документ Ленина.

2. Письмо из Пскова

В АПРЕЛЕ 1900 года Владимир Ильич написал из Пскова письмо матери Марии Александровне Ульяновой:

«Подольск Московской губ. Марии Александровне Ульяновой. Дом Кедровой. 6/IV — 1900.

Получил сегодня письмо от Маняши (от 3/IV), дорогая мамочка, в котором она меня стыдит за молчание.

Я действительно виноват, — не поздравил даже тебя и Маняшу с 1 апреля. Дело в том, что я тогда вторично «завертелся» (как выразилась Надя в письме к сибирским товарищам) по случаю приезда долгожданного путешественника (который теперь уже, вероятно, приехал к себе домой).

Живу я по-старому; здоровье мое удовлетворительно и я сегодня попробовал уже бросить свою «воду». Гуляю — теперь недурно гулять здесь, и в Пскове (а также в его окрестностях) есть, видимо, не мало красивых мест. Купил в здешнем магазине открытые письма с видами Пскова и посылаю три: тебе, Маняше и Аняте.

Вчера получил письмо от М. А.: пишет (от 4/IV), что завтра или послезавтра едет (с О. А.) опять в Сибирь, — военное начальство переменило еще раз место его службы. Обещается прислать из Ачинска новый адрес.

Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (...) требует упорного лечения, что она должна на 2—6 недель лечь. Я ей послал еще денег (получил 100 р. от Водовозовой), ибо на лечение понадобятся порядочные расходы. Мне пока хватит, а выйдут, — так я напишу тебе. Значит, она не могла бы ехать ко мне теперь, даже если бы и

разрешили (ответа я все не имею, и теперь почти перестал и ждать). Я думаю весной, месяца через 1½, съездить навещать ее, — а может быть и раньше.

Здешний мой знакомый берет заграничный паспорт и думает ехать лечиться числах в 20-х апреля; мне с его отъездом будет здесь скучновато.

Беру уроки немецкого языка у одного здешнего немца, по 50 к. за урок. Переводим с русского, немного говорим — не очень-то хорошо идет дело, и я подумываю уже не бросить ли; — пока впрочем посмотрю еще. Занимаюсь вообще мало; все еще не кончил указателя к Webby.

Бываю в библиотеке, читаю газеты. Новых книг вижу мало, Давыдова* не видал. П. Струве отвечать не собираюсь (послал маленькую вставку против него к статье в ответ Скворцову), Качоровского видел и подумываю ответить ему. Видела ли Маняша «Научное Обозрение» №№ 3 и 4? Превосходна там статья о Писареве.

Митя, значит, бросил службу и засел за науки? Это прекрасно. Много ли работает Маняша? Как и где устраиваются Анята с Марком?

Поздравляю тебя с праздником, моя дорогая, и крепко целую тебя. Маняше спасибо за письмо. Мите привет.

Твой В. У.»

* Не пошлет ли Маняша, если у нее есть?

3. Почему не поздравил Владимир Ильич мать и сестру с именинами в 1900 году?

ПРОЧИТАЛИ учёные письмо Владимира Ильича и стали его анализировать. Начали, конечно, с адреса на конверте. Он не вызывал никаких вопросов: известно было, что в это время Мария Александровна и младший брат Владимира Ильича — Дмитрий проживали в Подольске по указанному на конверте адресу. Не вызывала никаких вопросов и первая фраза. Мария Ильинична, или Маняша, как часто ласково называл Владимир Ильич свою младшую сестру, жила в это время в Москве по Бахметьевскому переулку в доме 25. Из первой фразы письма Владимира Ильича видно, что молчание в течение 20—21 дня (предыдущее письмо его к матери датировано 15 марта) считалось ненормальным и что письмо из Москвы в Псков прибывало на третий день.

А вот следующая фраза ставила учёных задуматься: «Я действительно виноват, не поздравил даже тебя и Маняшу с 1 апреля». Почему Марию Александровну и Марию Ильиничну нужно было поздравить с днём 1 апреля? Может быть, это день их рождения? Нет. Мать Владимира Ильича — Мария Александровна родилась 22 февраля 1835 года, а младшая сестра — Мария Ильинична — 6 февраля 1878 года.

Тогда возникла следующая мысль: может быть, Владимир Ильич имел в виду не день рождения, а именины или день ангела, как тогда говорили?

Чтобы удостовериться в правильности такого предположения, пришлось просмотреть другие письма Владимира Ильича, написанные Марии Александровне и Марии Ильиничне накануне 1 апреля. Вскоре нашли такую приписку к письму матери от 14 марта 1898 года:

«Письмо это ты, вероятно, получишь около 1-го апреля или немногим разве раньше. Поэтому поздравляю тебя с днем ангела и с именинницей и Маняшу тоже». Теперь всё стало ясно. Итак, Владимир Ильич извиняется, что не поздравил мать и сестру с именинами, как он это делал обычно. Чем можно объяснить, что такой любящий и внимательный сын и брат не сумел это сделать в 1900 году?

Владимир Ильич объясняет это так: «Дело в том, что я тогда вторично «завертелся» (как выразилась Надя в письме к сибирским товарищам) по случаю приезда долгожданного путешественника (который теперь уже, вероятно, приехал к себе домой)». После длительных поисков было установлено, что «долгожданный путешественник» — Л. Мартов. Еще в сибирской ссылке Владимир Ильич условился с ним и с А. И. Потресовым (Потресов, как и Мартов, в то время поддерживал план Ленина о создании обще-

русской нелегальной марксистской газеты. Впоследствии они оба изменили делу и стали противниками В. И. Ленина), что они втроем съедутся в Пскове, пригласят туда ряд других лиц для совещания по вопросу издания «Искры».

Это совещание вошло в историю под названием «Псковское совещание». Датируют его не очень точно: конец марта — начало апреля.

Совершенно очевидно, что Владимир Ильич «завертелся», как он выразился, в связи с подготовкой и проведением «Псковского совещания»: дел оказалось так много, что он даже не успел поздравить мать и сестру.

Приписка Владимира Ильича в скобках («который теперь уже, вероятно, приехал к себе домой») дала возможность учёным сказать, что «Псковское совещание» происходило не позже 3—4 апреля. Такой вывод они сделали вот почему. Было установлено, что Мартов уехал из Пскова в Полтаву, куда езды было в то время не менее двух суток. Ленин писал своё письмо 6 апреля и сообщал, что Мартов уже дома. Следовательно, выехал он из Пскова после совещания не позже 3—4 апреля.

Последующие строки письма Владимира Ильича не вызывали сомнения: «Гуляю — теперь недурно гулять здесь, и в Пскове (а также в его окрестностях) есть, видимо, не мало красивых мест. Купил в здешнем магазине открытые письма с видами Пскова и по-

сылаю три: тебе, Маняше и Анюте».

Здесь всё ясно. В Институте марксизма-ленинизма сохранились даже две открытки с видами Пскова, о которых пишет Ленин.

4: Кто такие М. А. и О. А.?

МНОГО времени потратили исследователи, чтобы разобраться в следующей фразе письма:

«Вчера получил письмо от М. А.: пишет (от 4/IV), что завтра или послезавтра едет (с О. А.) опять в Сибирь, — военное начальство переменило еще раз место его службы. Обещается прислать из Ачинска новый адрес».

Кто такие М. А. и О. А.? Чтобы ответить на этот вопрос, учёные начали рассуждать так.

Судя по письму Владимира Ильича, этот М. А. живёт где-то близко от Пскова: он написал письмо 4 апреля, а 5-го Ленин его уже получил. М. А. едет опять в Сибирь, да ещё не один, а с О. А. (Мужчина или женщина?) Следовательно, он уже раньше бывал в Сибири. Дальше. Едет он не добровольно, а по распоряжению военного начальства, которое «переменило ещё раз место его службы». Значит он не ссыльный, а военнослужащий. И последнее: едет он в Ачинск, откуда обещает прислать свой адрес.

После долгих рассуждений и поисков пришли к выводу, что речь идет о видном деятеле ленинской «Искры» — Ми-

хаиле Александровиче Сильвине и его жене — Ольге Александровне, которые жили в это время в Риге.

Все были очень довольны, что удалось установить, кто такие М. А. и О. А.; но тут возник один вопрос, который до сих пор так ещё и не разрешён.

Было известно, что Владимир Ильич ездил нелегально из Пскова в Ригу для встречи и переговоров с М. А. Сильвиным и латышскими социал-демократами по вопросам издания «Искры».

В своих воспоминаниях Сильвин пишет, что Ленин приезжал в Ригу в начале ап-

реля, на пасху. Принято считать, что Владимир Ильич был в Риге 9 апреля 1900 года. Судя же по письму Ленина, Сильвины должны были выехать из Риги 7—8 апреля («Завтра или послезавтра»).

Может быть, Ленин был в Риге не 9 апреля? Возможно, но пока этот вопрос ещё не решен.

5. Как был найден новый документ

ПОСЛЕ сообщения матери о болезни Надежды Константиновны Крупской, невозможности её приезда в Псков и посылке ей денег Владимир Ильич писал, что «здешний мой

знакомый (установлено, что так он называл А. Н. Потресова) уезжает лечиться».

Далее в письме сказано: «Беру уроки немецкого языка у здешнего немца, по 50 к. за урок. Переводим с русского, немного говорим — не очень-то хорошо идет дело, и я подумываю уже не бросить ли, — пока впрочем посмотрю еще».

Эта фраза вызвала сразу два вопроса: почему Владимиру Ильичу понадобилось брать уроки немецкого языка и кто был его преподавателем в Пскове?

На первый вопрос ответ был найден очень скоро.

Владимир Ильич, хорошо читая, переводя и разговаривая по-немецки, затруднялся понимать очень быструю речь коренных жителей Германии. Впервые он это с удивлением почувствовал в 1895 году, когда приехал в Германию.

В одном из писем Владимир Ильич писал своей матери Марии Александровне: «По «за границе» путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, не понимаю вовсе. Не понимаю даже самых простых слов, — до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят».

Приехав обратно на родину, Владимир Ильич старался усовершенствовать свои знания немецкого языка, занимаясь им особенно много в тюрьме и ссылке.

И хотя к 1900 году Влади-

мир Ильич язык знал уже лучше, но, как человек удивительно скромный и добросовестный, считал, что нужно ещё и ещё совершенствовать свои знания.

Вот как случилось, что Владимир Ильич, будучи уже тридцати лет от роду, являясь главой русских революционеров и всеми признанным учёным, решил опять засесть за изучение немецкого языка.

Его решение было тем более понятно, что «Искру» предполагалось издавать в Германии, а для этого язык, конечно, надо было знать в совершенстве.

Сложней оказалось установить, кто был преподавателем Ленина в Пскове. Установить же было важно потому, что это могло бы ответить на другие вопросы, связанные с пребыванием Ленина в Пскове.

Работая в Псковском педагогическом институте, я задался целью разрешить эту загадку. Много мне помогал в этом мой бывший студент, а ныне секретарь Псковского обкома ВЛКСМ В. И. Новиков.

Мы ходили по квартирам древних псковских старичков и старух и спрашивали их, не помнят ли они фамилий и местожительства преподавателей немецкого языка начала нынешнего века, перерыли многочисленные дела местного архива, пересмотрели издававшиеся в те годы «Памятные книжки», но всё напрасно.

Нет ли каких-либо сведений в газетах, где обычно печатались всевозможные сообщения и объявления?

Иду в областную библиотеку, но там газет за эти годы нет. Нет их ни в местных архивах, ни в музее. Еду в Ленинград, в библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, в газетном зале которой можно найти любую газету, когда-либо выходившую в России.

Беру справочник и узнаю, что в 1900 году в Пскове издавалось несколько газет. Начиная с официального органа местных властей — «Псковских губернских ведомостей». Просматриваю комплект за 1900 год. Никакого намёка. Выписываю подшивку другой газеты — «Псковский городской листок».

Уже с первого взгляда на эту газету стало ясно, что независимо от того, удастся ли найти в ней сведения о преподавателе немецкого языка, в моих руках неожиданно оказался очень ценный источник для книги о пребывании Владимира Ильича в Пскове.

«Псковский городской листок», как это было свойственно многим провинциальным газетам того времени, очень высокопарно и многоречиво сообщал своим читателям буквально обо всём происходящем в городе. Из газеты можно было узнать, что профессор С. Ф. Платонов приехал в Псков читать лекцию на тему: «Псков при Иоанне Грозном и в смутное время», что Садовая улица переименована в Пушкинскую...

Всё чаще в газете встречались и более важные сведения. Вот, например, сообщение о

заседании благотворительного общества при губернской земской управе. Обсуждается вопрос об оказании помощи больным.

Читаю длиннейший и скучнейший отчёт и вдруг среди многочисленных членов комиссии этого общества встречаю: «заведующий психиатрическим отделением П. Ф. Горошков». А не тот ли это доктор Горошков, в квартире которого по Великолукской улице остановился Владимир Ильич тотчас же по приезде в Псков?..

Если это тот самый, то удалось случайно установить его инициалы и должность...

В каждом номере газеты встречалось что-то новое, что обогащало наши представления о людях, с которыми сталкивался в Пскове Владимир Ильич.

Много интересного и важного узнаёшь неожиданно из многочисленных объявлений, занимавших одну-две страницы в каждом номере газеты.

Уже в одном из первых номеров за 1900 год напечатано следующее объявление: «Приезжая желает давать уроки по теории и практике новых языков, может по латыни за первый класс, а также по всей программе женской гимназии. Адрес: Запсковье, Дровяная ул., д. Фадеева, кв. Стопани». Да, не может быть никакого сомнения в том, что речь идет о квартире Александра Митрофановича Стопани (псевдонимы — Тура, Ланге), близкого знакомого и соратника Вла-

димира Ильича, активнейшего члена Псковской искровской организации, одного из организаторов и делегатов II съезда РСДРП.

Это неожиданная и очень ценная находка! Местные краеведы разыскивали адрес А. М. Стопани, который был тесно связан с Лениным. Адрес его в Пскове был интересен и потому, что в его квартире готовились разнообразные материалы для «Искры».

Читаем дальше. Объявление, рекламирующее средство от мозолей «Одобрин». Средство это рекомендуется покупать только в аптечном складе К. В. Лурьи. Как? Лурьи? Так ведь у провизора Лурьи, снимавшего квартиру в доме купца Чернова по Архангельской улице, и жил почти все три месяца своего пребывания в Пскове Владимир Ильич! Так! Распутан ещё один узелок: оказывается, что инициалы хозяина квартиры Ленина были К. В.

В газете от 13 февраля 1900 года встречаю, наконец, следующее объявление: «Практические уроки немецкого языка: разговор, чтение и письмо. Занятия ежедневно по часу, с платою только по 2 рубля в месяц. Адрес: Георгиевская ул., д. и квартира Вериги». Это, может быть, именно то, что я ищу: вполне допустимо, что объявление принадлежит преподавателю Владимира Ильича. Однако ведь Владимир Ильич приехал в Псков только 26 февраля, а объявление напечатано 13-го.

Сомнительно, чтобы Ленин искал себе преподавателя по старым газетам.

Нужно поискать, нет ли такого же объявления в последующих номерах газеты. Начинаю перелистывать подшивку и вдруг останавливаюсь, пораженный мыслью: «Вериги? Очень знакомая фамилия. Кто бы это мог быть?»

Ага, вспомнил!.. В 1902 году псковские искровцы совместно с оппозиционно настроенной интеллигенцией решили сорвать постановку в местном театре реакционной пьески Суворина «Контрабандисты».

Криком, топотом и свистом им действительно удалось сорвать спектакль, но поплатились они за это арестом и судом. Я вспомнил, что в архиве как-то мне попало шпионское донесение об этом событии, в котором, между прочим, указывалось, что один из «смутьянов» проживает по Георгиевской улице в доме Вериги. Так вот оно что! Не имел ли этот дом и его хозяин каких-либо отношения к Владимиру Ильичу и псковской группе «Искры»? Продолжая читать газету, нахожу всё новые и новые интересные материалы о Пскове и псковичах.

И вдруг в номере от 19 марта 1900 года, на третьей странице читаю: **«ЖЕЛАЮТ БРАТЬ УРОКИ** немецкого языка (теор. и прак.) у образованного немца. Предложения письменно: Архангельская, дом Чернова, кв. Лурьи, для В. У.». Никаких сомнений быть не может, это объявление

Владимира Ильича, об этом говорят: адрес, фамилии хозяев дома и квартиры, время опубликования объявления и, наконец, инициалы В. У. Нужно ли удивляться тому, что в один прекрасный день солидный газетный зал Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, где сидели солидные люди и царила удивительная тишина, огласился вдруг пронзительным «ах!».

Не скрою, что этот возглас произвольно вырвался у меня. Когда испуганная моим возгласом дежурная библиотеки подбежала и тревожно спросила, не дурно ли мне и не нужно ли чего-нибудь, я, не-

много придя в себя, ответил, что, наоборот, мне очень хорошо и мне ничего не нужно.

Удивлённая девушка стояла возле меня, посмотрела на уставившихся в мою сторону поражённых читателей и, пожав плечами, отошла.

В тот же день я отправил письмо и фотокопии в Институт марксизма-ленинизма.

Итак, мне выпало большое счастье найти неизвестный документ Владимира Ильича, но установить точно, кто был его преподавателем немецкого языка в Пскове, пока так и не удалось. Однако не стоит отчаиваться: если не мне, то кому-нибудь другому это обязательно удастся сделать!

Памятный день

— Вы просите, чтобы я рассказал о себе. Только не просто это сделать. Ведь за плечами уже сорок пять лет. Много и забылось. Но, как у каждого человека, и у меня в жизни было такое, что никогда не забывается. Про одну такую встречу я и расскажу...

Алексей Фёдорович на минутку задумался и продолжал:

— Это было в 1921 году. Жили мы под Москвой в местечке Баулино. Отец, мать и нас шестеро детей. Мне тогда шесть лет исполнилось. Помню, лютая зима была. За порог, бывало, носа не высунешь. Как завеет метель — страшно. Мы всё в хате отсиживались. А отец на охоту ходил: лес у нас вокруг большой. Как-то пришел он домой и говорит матери:

«Завтра к нам гости из Москвы приедут — большие люди. Ты хоть хату прибери».

Очень хотелось мне на тех больших людей посмотреть, ведь больше моего отца я ещё никого не видел. И правда: чуть свет постучали в окно. Я с печи вижу: входят трое, все в снегу. Только какие же они большие? Один такой, как отец, а двое ему по плечо. Слышу, отец им говорит:

«В плохой час приехали. Непогода. Какая уж тут охота!»

А который поменьше ему отвечает:

«Что вы, Фёдор Фёдорович, чудная погода! Мы, как договорились, — ровно к шести. И на охоту пойдём непременно».

Целый день по лесу ходили, да так ни с чем и вернулись. Попросили мать чаю согреть. Потом, смотрю, Клава, моя младшая сестра, уже на руках у одного из гостей пристроилась, а он её сахаром угощает. И меня рукой манит к себе.

«Как тебя зовут? — спрашивает. — А в школе уже учишься?»

Протягивает немаленькие кусочки сахара. Я схватил их и скорее в рот. (Знаете, какие это были редкие лакомства.) Потом гость стал про разные интересные случаи рассказывать. Конечно, я не помню, про что сам говорил, только всем нам очень весело было. И в жмурки мы играли. Вместе пошли на улицу. Он посадил меня на плечи и по сугробам идёт, проваливается. А мне хорошо

наверху. Шапка у него такая большая. Я в неё руками вцепился.

Но вот и вечер подошёл. Стали наши гости домой собираться. Весёлый дядя со всеми попрощался, поблагодарил за гостеприимство, а потом сказал матери:

«Хорошие у вас, Ганна Николаевна, дети растут, хорошая их доля ждёт».

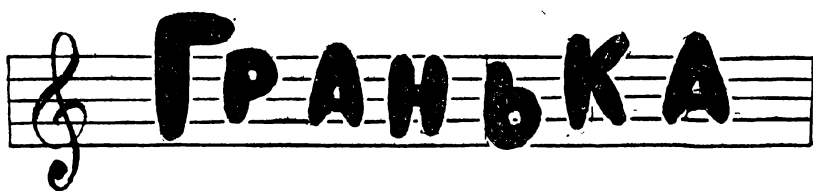
Я тогда этих слов не понял. Мать уже позднее, когда я подрос, объяснила мне. Только ни человека того, ни слов его мне никогда не забыть. Гостем нашим в тот морозный день был Владимир Ильич Ленин.

— Все мы выросли, выучились, — закончил свой рассказ Алексей Фёдорович. — Катерина сейчас на заводе работает слесарем, я уже двадцать пять лет в авиации. Теперь, когда собираемся вместе, всегда ту встречу с Владимиром Ильичём вспоминаем. Как он житьё наше счастливое вперёд через годы видел. Да только ли наше! Всех детей, потому что для их счастья и жил на свете этот великий человек.

* * *

В Луганском аэропорту сегодня много людей. С Доски почёта смотрит на них лётчик с Золотой Звездой Героя на груди. Пассажиры останавливаются возле портрета, читают надпись: «Старший диспетчер Алексей Фёдорович Рязанцев». И никому из них, наверное, невдомёк, что предсказателем доли Героя был Владимир Ильич Ленин.

Записал А. БЕЗУГЛИЙ
Перевел с украинского Н. САДОВЫЙ
Рис. В. Сердюкова

(Р А С С К А З)

ДЕД опять где-то задержался. Гранька сидела у окна, чуть прикрыв глаза, прислушиваясь. С потолка, казалось, капали грустные, приглушённые звуки. Гранька уже знала, что это играет старшая сестра гимназиста Тольки, высокая, тощая девица, которую во дворе за глаза называют дылдой. Гранька даже видела инструмент, из которого льются эти волшебные звуки. Увидеть это было не легко.

Однажды, встретив у парадной Тольку, Гранька подскочила к нему и показала дедову зажигалку. Толька потянулся к зажигалке, но Гранька спрятала ее за спину:

— Покажи на чём играешь, тогда подарю.

Толька сначала не понял ее, а потом усмехнулся:

— Это не я играю, а сестра.

— Всё равно, покажи!

Толька презрительно выпятил губу, сплюнул:

— Сейчас нельзя — все дома. Жди, вечером в окошко постучусь!!!

У Тольки была огромная квартира. Пройдя прихожую и коридор, они вошли в большую комнату. На стенах висе-

ли какие-то бородатые дядьки в золочёных рамах, разукрашенные тарелки. Мохнатый ковёр заглушал шаги.

— Давай зажигалку, — буркнул Толька и кивнул на чёрный блестящий ящик.

Гранька с недоверием покачала головой. Тогда Толька подошёл к ящику, открыл крышку. Гранька отпрянула, увидев длинный ряд блестящих белых зубов. Толька с силой ударил по ним. Густые тревожные звуки брызнули в разные стороны. Они совсем не были похожи на те, что капали с потолка. Граньке показалось, что на люстре вздрогнули и зазвенели подвески, заколыхались шторы на окнах. Толька захохотал:

— Попробуй, не бойся... не укусит!

Как ни велико было любопытство, Гранька всё же не осмелилась прикоснуться к длинным зубам.

— Дура! — еще громче захохотал Толька и протянул пятерню: — Давай зажигалку!

Ночью дед долго ворчал — жаль было зажигалки, но потом утихомирился, погладил Граньку по голове:

— Чудная ты у меня, вся в мать, та тоже вздумала на гармошке учиться играть. Всех парней на деревне в смех ввела!

Граньке стало грустно, дед напомнил ей умершую мать, отца, который где-то далеко на фронте. Нелегко жить Граньке с дедом. Когда они остались одни, дедушке пришлось вернуться на Путиловский. Стар дед, трудно ему работать, время тревожное. Царя, слышала Гранька, куда-то сбросили. По улицам ходят толпы с красными флагами, поют, а лица строгие, у некоторых даже злые. Недавно дед пришёл весёлый и еще с порога крикнул:

— Временных сбросили!

— И их сбросили? — удивилась Гранька.

— Сбросили, сбросили! — повторял дед.

— А куда? — поинтересовалась Гранька.

Дед задумался, а потом усмехнулся:

— А туда же, куда и царя!

С этого дня звуки с потолка стали капать реже, были они ещё тише и печальней.

Дед пришёл поздно. На лохматой бороде его, пожелтевшей от табака, поблёскивали дождевые капли. Неснимая тужурка, он вытащил из кармана четыре больших картофелины, два сухаря и синеватый кусочек сахара. Гранька бросилась ставить чайник.

И вот они сидят за столом. Дед обогревает руки о горячую кружку, улыбается. В синей латаной косоворотке, без шарфа на тощей шее дед выглядит хрупким, маленьким. Только руки у него большие, тяжёлые, и Граньке кажется,

что это они оттянули, ссутулили дедовы плечи.

Дед не спеша рассказывает о событиях прошедшего дня, о том, как они товарный состав переделывают на бронепоезд, который скоро уйдёт бить врага. Но Гранька плохо его слушает, думает о своём. Вот она подняла на деда не по-детски задумчивые глаза, кивнула на потолок:

— Дедушка, а дорого стоит такой ящик?

Дед уже знает, о чём идёт речь, тяжело вздыхает, качает головой. Но вот в комнате гаснет свет, и дед с Гранькой ложатся спать.

Спала Гранька плохо, часто вздрагивала. То ей снилось, как в глубокую яму сбрасывают царя, которого она видела на картинках, то комната Только и большой чёрный ящик. Вот подходит к ящику дед и, улыбаясь, открывает крышку. Гранька подступает к ящику ближе, но тот вдруг превращается в огромного лохматого зверя, приоткрывшего пасть. Зверь рычит и хочет броситься на Граньку, но дед грозит ему кулаком. И, как ни странно, зверь пугается деда, закрывает пасть, становится меньше и вновь превращается в чёрный блестящий ящик.

Когда Гранька проснулась, деда уже не было. Он всё раньше и раньше стал уходить на завод.

Вечером Граньке не пришлось деда долго ждать. Пришёл он весёлым, даже веселей, чем в тот день, когда сбросили «временных». Под мышкой у

деда был большой кулёк. Открыв его, Гранька увидела жёлтые, тяжёлые пластины. Вскинув одну пластину над головой, дед громко воскликнул:

— Дуранда! Теперь, внучка, живём! Перемелешь в мясорубке — таких лепёшек напечём — пальчики оближешь. Но есть у меня к тебе и ещё кое-что!

Произнося «кое-что», дед так прищурился и так звонко щёлкнул пальцами, что Граньку это заинтересовало больше лепёшек. А дед не унимался:

— Был у меня, Гранька, все эти дни от тебя секрет, ждал я. А теперь можно его и раскрыть. Ставь быстрее чай. Есть ещё у меня пара сухарей да воблина. Сядем за стол, всё по порядку расскажу.

Ах, какая сладкая воблина! А от размоченных сухарей пахнет тёплым ржаным хлебом, и этот запах напоминает Граньке далёкие дни, когда она за этим столом сидела у отца на коленях, а мать — высокая, румяная, большой поварёшкой разливала по тарелкам щи...

— Я, Гранька, думал — ты у меня одна такая дурёха, — перебил её воспоминания дед, — а оказывается, много таких, как ты, до музыки охочих. Недавно Егоров, кузнец наш, поднимается на собрании — славный мужик, — ну, думаю, дело скажет, а он: «Надо школу музыкальную для наших ребят при заводе открыть. Довольно одним буржуям музыкой зани-

маться. Послушали бы, как мой Петька на балалайке шпарит! Поучить — выйдет из парня толк». Ну, подумал я, и загнул же Егоров, сейчас с трибуны погонят. Но потом вспомнил тебя, жду, что дальше будет! Слышу — захлопал в ладоши народ. Кто-то закричал: «Правильно Егоров говорит! Даёшь музыку!»

Гранька слушала деда, приоткрыв рот, затаив дыхание, а дед, как назло, говорил не спеша:

— Тут же выбрали мы двух человек, чтобы дело побыстрее повернуть. На следующий же день пошли они в какой-то отдел, где ученьем теперь распоряжаются, а им там и говорят: «Дров нет, хлеба нет, а вы с музыкой. Зайдите через годик, там видно будет».

Сказали так, и думают, что разговору конец. Да не тут-то было. Знали мы, кого выбрать на собрании, упорные мужики, коренные путиловцы. Вышли они из того заведения и решили прямо к Ленину податься с просьбой своей.

Добрались до Смольного, к приёмной подошли, к секретарю обращаются. А тот им советует идти туда, где они уже были. Тогда один посланец наш и говорит: «Знаем, что Ильич очень занят сейчас, но мы от путиловцев». И не то, чтоб голос он повысил, а просто горло у него, как лужёное. Сказанное гулко прозвучало.

Открывается дверь, и видят они — Ильич идёт. «Путиловцы, — улыбается, — проходите ко мне!» И тут же секретарю

наказ дал, чтобы нашего брата к нему всегда без задержки впускали.

Вошли они за Ильичём в кабинет и заробели малость. Народу в кабинете полным-полно. Видно, заседание какое-то шло. А Ленин прищурился и

ласково так спрашивает: «Ну-с, так чем служить вам могу?». Тут они про историю с музыкой и рассказали.

— Ну и что же он? — не выдержала Гранька.

Дед просветлел, зажал бороду в кулак:

— Похвалил, Гранька, Ильич нас. «Правильно, говорит, что музыкой хотят заниматься. Молодцы!» А потом Ленин обратился к сидящим в кабинете: «Слышите, чего путиловцы хотят?» Заулыбался, скажут, руки даже стал от удовольствия потирать. Трубку телефонную снял и наказ дал, чтобы исполнили то, чего мы просили.

— Ну и что же дальше? — заволновалась Гранька.

— А дальше дело пошло. Дом вам уже отвели на Рижском, подремонтировали мы его сами, а сегодня уж первый инструмент вволокли.

— Дедушка, пойдём посмотрим!

Дед глянул в окно, нахмурился:

— Поздно, долго пробаяли мы с тобой, да и устал я.

Но Гранька настояла на своём.

Под музыкальную школу отвели небольшой особняк на Рижском проспекте. Вокруг него темнел сад. Оголённые деревья тянули к звёздному небу корявые, скрипучие вет-

ви. Опавшая листва уже не шуршала. Она превратилась в липкую кашицу, хлюпающую под ногами. Дед плечом налёг на парадную дверь, и она приоткрылась. Пусто было в особняке, сыро и темно. Гранька шла за дедом, крепко вцепившись в полу тужурки. Ступать старалась тише. Её пугало эхо от шагов, летающее по коридорам. Дед приоткрыл одну дверь, другую и с облегчением вздохнул:

— Здесь!

В углу огромного пустого зала стоял рояль. Лунный свет из окна падал на него, и от этого он ещё больше блестел. На боках и на крышке рояля проступали царапины.

Гранька подошла к нему близко-близко, но крышку побоялась открыть. Открыл дед. Гранька с опаской ткнула в клавиши. Из-под пальца выскользнул тоненький, робкий звук и сразу же растаял. Дед засмеялся, встряхнул Граньку за плечи:

— Бей, не робей! — И, приотопнув ногой, ударил по клавишам.

Целый сноп густых, басовитых звуков залетал по залу, вырвался в незакрытую дверь и заплутал по коридорам. И зазвенел, загудел весь огромный дом. Но этот гул уже не пугал Граньку, он ей даже показался весёлым, радостным.

ПОДКОВА счастья

(РАССКАЗ)

НАШЕЛ Яшка в дорожной пыли подкову, обрадовался. Слышал он где-то, что подкова приносит счастье.

«Может, отец с войны вернётся или хоть письмо прийдёт, — подумал Яшка. — Вот и счастье...»

Подкову он забрал домой и начал ждать добрых новостей. Неделя и другая прошла, а в мальчишеской жизни никаких изменений. Всё те же лустые щи из крапивы, всё те же унылые бабкины слова: «И когда это наказание кончится? То белые, то красные... Не видать войне конца!.. А придёт зима — во что я тебя, глупого, одену-обую, чем накормлю?...»

Надоели Яшке крапивные щи без хлеба. Ещё горше надоели бабкины причитания. А податься некуда...

Но вот однажды появились на Яшкиной улице двое верхоконных. Один придержал коня, свесился с седла, спрашивает:

— Ты здешний?

— А то какой же? — ответил Яшка. — С самого рождения на этой улице проживаю.

Усмехнулся всадник и говорит:

— Тогда посоветуй, где и как разместить эскадрон? Квартирьерами нас послали...

Яшка понятия не имел, что такое эскадрон и что такое квартирыеры. Он решил схитрить:

— Говори яснее. Не терплю, когда мудрят...

Кавалерист снова усмехнулся, потом объяснил:

— Эскадрон — это сотни полторы красноармейцев да столько же коней. Место ищем для отдыха. Не всё ж воевать, надо и в баньке попариться, белишко постирать-поштопать. Опять же и коням отдых необходим... Забыли, когда расседывали...

Яшка сосредоточенно выслушал и сказал:

— Счастье твоё, что на меня напал! Веди свой эскадрон прямиком сюда. Тут совсем недалеко кирпичный завод, который теперь не работает. Навес там есть, где сырец хранился перед обжигом. Для коней он на случай ненастья как раз подойдёт. А людей найдём где разместить. К моей бабке можно поставить человек десять. Она, правда, надоедная бабка, зато добрая... Постирать, поштопать ли — на это быстрая. Каши наварит — пальчики оближете! Было бы из чего варить...

С прибытием эскадрона переменялась Яшкина скучная жизнь. Бабка его теперь целыми днями не видела. То он у коновязей, где кавалеристы чистят лошадей, то крутится возле пушки, которая тоже оказалась в эскадроне, но чаще всего — в кузнице.

Поначалу эскадронный кузнец, дядя Архип, прогнал было Яшку:

— Тут тебе не цирк, чтоб глазеть. Конь поддаст копытом — и нет тебя, белобрысого...

Тогда Яшка сбегал домой и притащил подкову.

— Может, сгодится? — спросил он кузнеца.

— Добрая вещь всегда сгодится, — ответил суровый Архип, с интересом разглядывая Яшку. — А знаешь ли ты, белобрый, что подковы не дарят? В старину говорили, будто отдать подкову значит потерять своё счастье.

— Враки это! — ответил Яшка. — Какое там счастье? Мамка померла от тифа... Скоро год как от батьки с фронта ни слуху ни духу... Живой ли, нет ли? А бабка — старая. Варит щи из крапивы да ворчит. Спасибо, ваши эскадронные когда хлеба дадут, когда каши. А однажды даже кусок сахару дали. Ух, сладкий до чего!..

Так и познакомились. Яшка особенно на глаза не лез, но умел улучшить минуточку, чтобы оказать какую-нибудь услугу кузнецу: то клещи подаст, то побежит с топором толстой берёзовой коры запасти, которая в горне горит не хуже угля...

Однажды гнедой эскадронного командира на левую заднюю расковался. Привёл его ординарец. Не жеребец — сущий зверь. Дядя Архип подошёл было с клещами, чтобы старые подковные гвозди из копыта выдернуть. Только нагнулся, хотел взять гнедого за ногу, а тот как хватит кузнеца зубами за плечо!..

Откуда ни возьмись — Яшка. Клубком подкатился под коня, схватил ногу, крикнул: «Стоять!»

Жеребец с недоумением поглядел на мальчишку, но, к удивлению, покорился, дал ногу...

— Ты, брат, отчаянный! — похвалил кузнец, приладив гнедому дарёную Яшкину подкову. — Хочешь в кавалерии служить?

Яшка понимал, что это пустой разговор: не возьмут его в кавалерию по малолетству. Потому и оставил вопрос кузнеца без ответа. Но сам подумал: «Догадлив ты, дядя Архип, и хитёр. Да я хитрее...»

Недолго кавалеристы были на отдыхе. Однажды на рассвете гор-

нист сыграл побудку. Вскоре раздалась команда:

— Сед-лай!

Выстроившись в колонну по взводу, эскадрон снялся на рысях. Загромыхала по булыжнику пушка, запряжённая восьмёркой коней, заскрипели телеги, нагруженные свежим сеном.

Мальчишки кинулись провожать, но скоро отстали. Ежась от утреннего холодка, они долго ещё стояли на дороге, махали руками, что-то кричали...

Только вечером бабка хватилась: где Яшка? Кинулась она к соседям, допросила Яшкиных товарищей. Нет, никто ничего не знал. Утром, когда провожали эскадрон, Яшки среди мальчишек не было.

— Сбежал, окаанный! — заголосила старуха. — Где его теперь искать?

А на следующее утро она зачем-то полезла в свой сундук и нашла записку.

«Бабуся, не ругай меня и не плачь, — писал Яшка крупными печатными буквами, чтобы легче было малограмотной бабке читать. — Двоим нам никак не прокормиться. Если объявится батька, дай ему знать, что ушёл я с эскадром Красной Армии. Авось не пропаду и вернусь с победой».

...День и другой шел эскадрон. Останавливались, пасли на лужайках коней, поили в ручьях. Кавалеристы варили в котелках пшённую кашу, курили едкий самосад, иногда пели. А Яшка лежал, закопавшись в сене, ничего не видел, но всё слышал. Судорога сводила его голодный живот. «Вот прорвы! — злился Яшка. — Лопают невпроворот... А тут хоть бы маковая росинка!»

Наконец, он не выдержал — вылез. Был вечер. В небе посвёркивали высокие звёзды. Невдалеке фыркали стреноженные кони. Там и сям у костров сидели кавалеристы, ели дымящуюся кашу.

— Хлеб да соль! — подошёл Яшка к одному из костров.

— Едим, да свой! — ответил пожилой обозный, приглядываясь. — Постой, постой... Ты откуда же

будешь? Ага, вспомнил! Айда к командиру...

Яшка вздохнул. Совсем некстати было ему встречаться с командиром эскадрона на голодный желудок. Да не объяснять же этим обозным, что он два дня не ел...

— Пошли! — зло сказала Яшка.

Командир сидел в кругу кавалеристов, подложив под себя седло, и задумчиво курил самокрутку. Чёрная кавказская бурка его лежала рядом, а на ней — широкий кавалерийский ремень, шашка в ножнах и маузер в деревянной кобуре.

— Парнишка приبلудный! — доложил ездовой, кивнув на Яшку. — Тайком с обозом следует.

Командир поднял суровый взгляд:

— Шпионишь?

— Что вы, товарищ командир! Не сойти с места... Спросите у кузнеца дяди Архипа. Он знает...

Насытившись, Яшка аккуратно облизал ложку, вложил в котелок, поставил на траву.

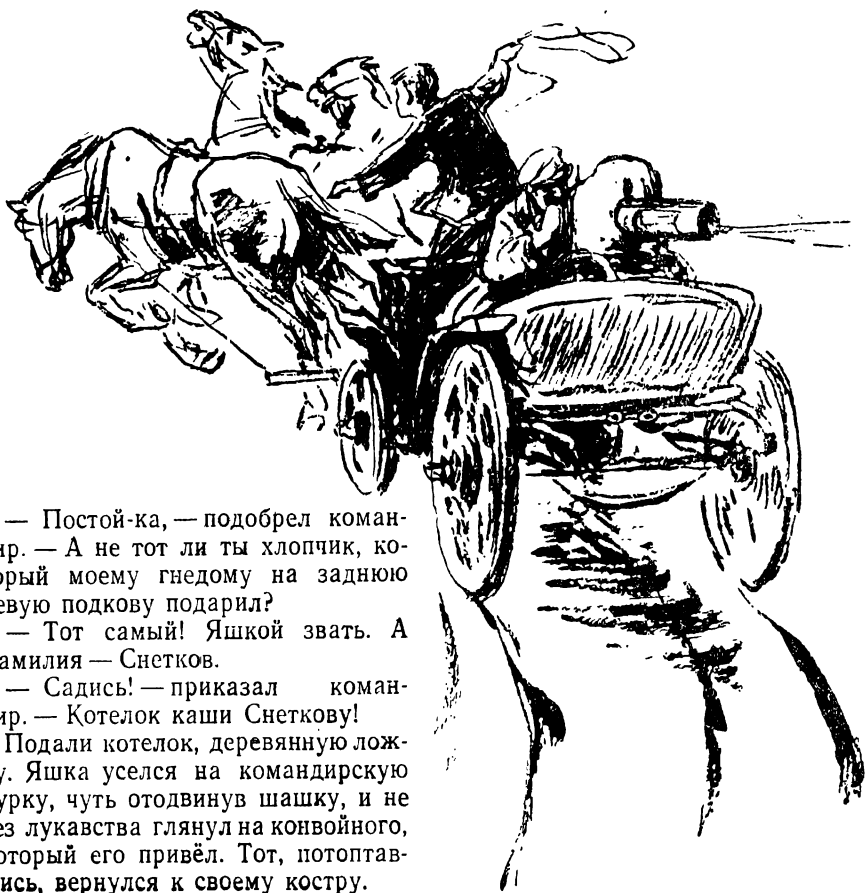
— Спасибо, дядя! — вежливо поблагодарил он.

— На здоровье! — ответил командир эскадрона. — А теперь расскажи, как думаешь домой добираться. Ведь отмахали мы за эти дни вёрст полтораста...

— Домой мне никак нельзя, — возразил Яшка. — Ну, кто я дома? Нахлебник у старой бабки, лишний рот. Вот если б вы позволили при эскадроне остаться, — осторожно намекнул он. — Не глядите, что мал, мне уже четырнадцатый... Могу при санчасти состоять, могу при кузнице. А если что — то из пулемёта пальну....

— Можешь из пулемёта?

— Могу, я страсть какой понятливый...

— Постой-ка, — подобрел командир. — А не тот ли ты хлопчик, который моему гнедому на заднюю левую подкову подарил?

— Тот самый! Яшкой звать. А фамилия — Снетков.

— Садись! — приказал командир. — Котелок каши Снеткову!

Подали котелок, деревянную ложку. Яшка уселся на командирскую бурку, чуть отодвинув шашку, и не без лукавства глянул на конвойного, который его привёл. Тот, потоптавшись, вернулся к своему костру.

Подумал, подумал эскадронный командир да и велел писарю зачислить Яшку в списки:

— Пока будет при кухне, а там увидим...

Вот как повернулась Яшкина жизнь. Хоть без коня, без шашки, да всё равно он теперь боец! А со временем добудет и коня. Яшка не какой-нибудь тихоня...

Быстрый, неутомимый парнишка всем понравился. Кашевар, дядя Андрей, души в нём не чаял.

— Огонь, а не парень! — хвалил он Яшку. — Одно плохо — разут. Надо ему как-то обувку справить, а то виду нет — шпоры не к чему прицепить...

И справил: в какой-то деревне выменял у старика пару новеньких пеньковых лаптей.

— Обуваясь! — приказал дядя Андрей. — Для лета — легки, для зимы — теплы. Не у каждого взводного командира такая шикарная обувка имеется. Видел, в чём воюют?

— Как не видеть, — ответил Яшка. — У кого опорки, у кого калоши...

— То-то и оно. И с одежей пока чеважно. Правда, прошлой осенью малость подвезли. Кому что досталось. Мне, к примеру, вот эта стёганка, а пулемётчику Дроздову — полушубок. Где только его раздобыли, тот полушубок. Тёплый, что твоя печка, и с виду нарядный...

В боях Яшка до поры до времени не участвовал.

Но вот однажды у околицы небольшой деревушки разгорелся бой. Эскадрон развернулся лавой против пехоты белых, залёгшей у деревенских плетней, и карьером пошёл на сближение. Кавалеристы вскинули клинки, чуть припав на левое стремя, чтоб сподручней было рубить.

Вдруг откуда-то с чердака полосул станковый пулемёт, незамеченный нашими разведчиками.

— Клади коней! Карабины к бою! — крикнул командир, сдерживая гнедого, и кубарем скатился на землю.

Яшка был на лесной опушке, у походной кухни. Рядом наготове

стояла пулемётная тачанка, запряжённая парой вороных, которые нервно пряли ушами.

Отчётливо увидел Яшка, как послушно легли под огнём эскадронные кони, как, целясь из-за них, кавалеристы начали отвечать белякам из карабинов. А неприятельский пулемёт всё бил и бил...

— Погубят эскадрон, сволочи! — не своим голосом проговорил пулемётчик с тачанки Фёдор Дроздов. — Охрименко, надо выручать...

— Без приказу — ни-ни! — отозвался ездовой Охрименко, клацая от страха зубами.

— Струсил, гад? Зарублю!.. — взревел Дроздов, наливаясь кровью. — Какой тут к чёрту приказ, если эскадрон гибнет... А ну, бери возжи!..

И тут на тачанку птицей взлетел Яшка:

— Садись, дядя Фёдор!

Ошалелые от кнута кони молнией вынесли тачанку на поляну. Яшка во весь рост стоял в передке, не страшась пуль, и правил. Вот он развернул тачанку, Дроздов прильнул к пулемёту.

«Та-та-та-та! Та-та-та!» — хлестнули звонкие очереди.

Бойцы оглянулись, повеселели:

— Федя, друг... Всыпь им, Федя, по первое число!..

Неприятельский пулемёт замолк. Эскадрон поднялся и в конном строю пошёл преследовать противника. Но повёл его уже не командир, а комиссар, товарищ Касаткин.

Окровавленного командира санитары бережно подняли на повозку. Он был без сознания.

На ту же повозку положил пулемётчик Фёдор Дроздов и раненого Яшку. Положил, потом взял из тачанки полушубок и укрыл им мальчишку.

— Спасибо, Яша! От всего эскадрона спасибо тебе, смелый парнишка...

Яшка хотел улыбнуться в ответ на эту суровую мужскую ласку, но не смог. Бледные, обескровленные его губы не послушались. Улыбнулись одни глаза.

Крепко сидела жизнь в жилистом теле командира эскадрона Степана Викторовича Храповицкого. Простреленный на вылет в грудь, он скоро пришел в сознание и потребовал обстоятельно доложить об исходе недавнего боя.

Узнав, что отличились пулемётчик Дроздов и Яшка, командир сказал комиссару:

— Представить к награде! А тебе, товарищ Касаткин, командовать эскадронам до моего выздоровления...

Под вечер санитары доставили раненых на станцию, погрузили в товарный вагон. Яшка лежал на нарах. Рана в плече почти не болела. И мальчишеское его сердце заливало какой-то непонятный восторг. Пулемётчик Дроздов, этот могучий мужчина, благодарил его, маленького Яшку как равного. И не только от себя, от всего эскадрона! А рядом лежит командир. Он тоже ранен в бою, как и Яшка.

Дорога оказалась длинной. Вагон с ранеными прицепляли то к одному поезду, то к другому. Поезда подолгу стояли на каких-то разъездах, полустанках, а то и просто в поле.

Из шести раненых больше всех ослаб командир. Он то приходил в

сознание, то снова впадал в забытие. И Яшке порой становилось страшно: вдруг он умрёт! Особенно по ночам. Но приходило утро, и Степан Викторович открывал ввалившиеся глаза, требовал пить.

Потом ему стало полегче, и однажды он заговорил, тихо, почти шёпотом:

— Яша, а ведь меня всего на полпальца выше сердца ударило. Счастье! Чуть бы пониже — и всё... Не иначе как твоя дарёная подкова выручила. Ведь под гнедым всё еще она была...

— Неужели подкова? Вы это всерьёз, дядя Степан? — осведомился Яшка.

— Шучу! — слабо улыбнулся командир. — Не в подкове суть, будь она хоть золотая... Тут дело слепого случая. А счастье, Яша, оно куда сложнее. Я за ним с эскадронам уже давненько скачу. Сколько товарищей потерял, сколько полей ископытал. А счастье всё ещё впереди.

— Может, его и нет на свете, — задумчиво проговорил Яшка.

— Есть!..

Утомлённый разговором, командир задремал.

Полежал с закрытыми глазами и Яшка, но спать не хотелось. Пово-

рочался он с боку на бок, потом сел на нарах. Полушубок завернулся косматой шерстью наружу. И тут Яшкино внимание привлекла какая-то странная заплатка, пришитая изнутри.

Карман! Яшка пошарил в нём пальцами и нащупал в уголке что-то твёрдое, но достать не смог. Это «что-то» оказалось пришитым внутри кармана. Яшка уцепился пальцами покрепче, пошатал, пошатал и, наконец, достал сложенный вчетверо кусочек овчины, но без шерсти. Развернул и тут же оглянулся на командира. Тот спал, мерно дыша.

Яшку подмывало поговорить, но будить Степана Викторовича он не решился и стал терпеливо ждать.

Наконец, командир открыл глаза.

— Не спишь? — обратился он к Яшке.

— Заснёшь тут!..

— А что случилось?

Вместо ответа Яшка спросил:

— Дядя Степан, скажите, Ленин один или ещё есть... другие Ленины?

— Что-то я тебя не пойму...

— А вы прочитайте вот это. В кармане полушубка было пришито.

На кусочке овчины, наголо остриженном от шерсти, было мелко, но чётко написано химическим карандашом:

«Дорогому товарищу Ленину в подарок от крестьян села Заозерье. Полушубок сей сшил собственноручно по поручению сельского схода и по личному своему желанию Серафим Лыков. Носи его, Ильич, на доброе твоё здоровье и на страх врагам».

Командир даже чуть приподнялся, опершись на локоть. Заметно волнуясь, он сказал:

— Один Ленин! Какой же ещё другой может быть? К нему и обращается Серафим Лыков.

— А как же этот полушубок к Дроздову попал?

— К Дроздову он мог попасть вот как. По всей стране собирают тёплые вещи для фронта. Кто валенки даст, кто шапку. Женщины варежки да носки вяжут... А Ильич отдал подаренный ему полушубок. Слух этот по всем фронтам прошёл. Одни говорили, будто в Сибири был этот знаменитый полушубок найден, другие — что под Царицыном. А он вон где оказался — в нашем эскадроне! Впрочем, может, Ильич не один полушубок отдал фронту...

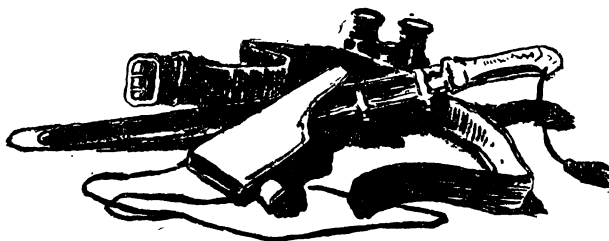
— Что ж теперь делать? — спросил растерянный Яшка. — Чем же мне накрываться?

— Как чем? Полушубком!

— Так он же ленинский...

— Вот и хорошо. Придёт время, мы его, Яша, в музей под стеклом хранить будем, а пока он ещё у нас повоюет. Это ведь тоже оружие. Поэтому Ильич и прислал его на фронт...

Покачивало. Яшка лежал с открытыми глазами и думал: «А всё-таки не зря говорят про подкову, что она счастье приносит. Ведь всё началось с неё. Не найди я тогда в пыли подкову, может, и в эскадрон не попал бы и не ехал бы сейчас в тыл под полушубком самого товарища Ленина. У кого ещё есть такой полушубок? У одного меня!..»

С ы н

Ты молчала в изумленье:
У тебя он был один.
Он уехал в воскресенье.
— А куда? — На Сахалин!
Кроме карточки в альбоме,
Не оставил ничего.
Неуютно стало в доме,
Одиноко без него.
Сразу старость одолела,
Затуманила глаза.
На морщинах то и дело
Молчаливая слеза.
Хлопнет ветер дверью старой,
Скрипнет рамами окна.
К двери мать идёт устало,
Днём и ночью ждёт она.
Дни идут, и вдруг у двери
На пороге почтальон.
Мать глазам своим не верит,
Может, может это сон.
— Сын, наверно, пишет вам.
Телеграмму получите,
Распишитесь: здесь и там.
— Что ж стоите на пороге? —
Мать качнула головой.
— Чаю выпейте с дороги,
Долгожданный, дорогой. —
И дрожащею рукою
Бланк взяла, прочла, а там:

«Жив, здоров, громады строим
Приезжай скорее к нам».
Приезжай, и сердце радо.
И счастливо шепчет мать:
— Что ж, поеду, ехать надо,
Сыну надо помогать.

Валерий ЗАРУЧЕВСКИЙ,
7-д класс, 287-я школа

Рисунки В. Адаева

Степь

Неказистая и неброская,
С детства милая для меня,
Солнцем ласкана,
 ветром плёскана
Степь разбуженная моя.
Над тобой облаков

 поленницы,
Неба южного чернозём.
Ветер стелется,
 не расстелется,
Не уляжется нипочём.
Здесь, оставленный

 за хозяина,
Ходит гоголем он в степи,
Где толстенный арбуз
 отчаянный
Закатился в ковыль и спит,
Где любитесь клён
 берёзками,

К ним симпатии не тая...
Неказистая и неброская
Степь разбуженная моя.
Что-то новое, необычное,
Здесь рождается и живёт.
Песню звонкую и лиричную
Ветер изредка донесёт.
Ты послушай-ка, степь,
 внимательно,
Ты, конечно же, узнаёшь,
Кто вспахал тебя

 так старательно
И засеял весною рожь.
Это новых путей искатели,
Укротители Падунов,
Героические создатели
Новых песен и городов.
Им величьем своим обязана

С детства милая для меня,
Ветром глажена,
 не разглажена,
Степь разбуженная моя!

Миша КАЛЕДИН,
8-г класс, 281-я школа

Д о ж д и к

Дождик сыплет,
 пляшет дождик,
Дождик колет мне лицо.
Дождик режет, словно

 ножик,

Деревянное крыльцо.
Над промокшею горою
Клочья сизые летят.
Ветер злится, ветер воет,
Ветви голые гудят.

Листья выются

 над тропинкой

И летят куда-то вбок.
И разбухшая осинка
Вдруг упала на песок.
Дождик сыплет, пляшет

 дождик,

Дождик колет мне лицо.
Дождик режет, словно

 ножик,

Деревянное крыльцо.

Миша ЗИВ
6-в класс, 243-я школа

{ Столица Кубы Гавана. }

(Рассказ В. И. Володкина, фотокорреспондента
газеты «Правда»)

НАКОНЕЦ-ТО! Под крылом «Летучего Голландца» авиакомпании «КЛМ» — Куба.

Я вспоминаю слова из давно, быть может в юности, прочитанной книги: «Куба — жемчужина Антильских островов... Остров украшают королевские пальмы... Прекрасна Гавана, столица Кубы. Она славится своими небоскрёбами, не уступающими нью-йоркским...»

Но, признаться, не эта экзотика заставляла меня считать секунды и минуты, оставшиеся до приземления самолёта. Я с нетерпением ожидал встреч с кубинцами.

Я знал, как знаете вы, что борьбу кубинского народа возглавляет 33-летний мужественный всждь адвокат Фидель Кастро. Несколько лет назад он провозгласил в горах временное правительство Кубинской республики. А 1 января

1959 года Фидель сделал своему народу самый дорогой, самый лучший подарок — во главе повстанческой армии изгнал из Кубы кровавого диктатора Батисту, разгромил его армию.

И я, конечно, как и все мои товарищи — журналисты, прилетевшие в Кубу по приглашению гаванской газеты «Революсьон», мечтали услышать и увидеть этого замечательного человека и патриота...

...Мы прибыли в Кубу 30 декабря, на исходе 1960 года.

В то время уходящее в отставку правительство Соединённых Штатов Америки во главе с президентом Эйзенхауэром намечало вооружённое вторжение на Кубу.

В американском штате Флорида, который находится на расстоянии двухсот километров от Кубы, отряды контрреволюционеров готовились к высадке на кубинскую землю.

Воды Карибского моря бороздили военные корабли США, проводившие мѣнѣвы. Американская военная база Гуантанамо, расположенная на кубинской территории, была приведена в боевую готовность.

Но кубинцы не дрогнули. «Родина или смерть!» — этот призыв мужественных и смелых гремел на улицах кубинских городов и сѣл.

Идя по улицам Гаваны, мы видели, как город ошетинился стволами пулемѣтов и зенитных орудий.

На побережье спешно рылись окопы, минировались дороги и подступы к городу.

Не только молодѣжь, но и старики, женщины, дети, взяв в руки оружие, встали на защиту революции.

Казалось, что все пешеходы, которых мы встречали, вооружены.

Нам, приезжим, бросилось в

глаза, что в Гаване много бородатых людей. Даже лица манекенов в витринах магазинов готового платья в изобилии снабжены растительностью.

У многих кубинцев длинные волосы, ниспадающие за воротник форменной куртки.

Бороды и длинные волосы напоминают о прошлых битвах в горах Сьерра-Маэстра воинов Фиделя Кастро, которым в то время было не до бритья.

Патриоты говорят: «Мы сбреем бороды, когда революция победит окончательно».

Многих из этих людей мы видели 31 декабря на новогоднем приѣме. Только не подумайте, что приѣм проходил в каком-нибудь дворце. Нет! На окраине Гаваны есть обширная территория, где когда-то

Весѣлые и общительные мальчишки
в Гаване!

Гавана оцетинилась стволами зенитных пулемётов и орудий. Если враг посмеет напасть, он получит решительный отпор.

дёрнул премьер-министра за куртку.

— Фидель, — сказал он, — мой отец погиб в горах. Брат — в народной милиции. Не можешь ли ты меня куда-нибудь устроить, чтобы я помог революции?

— А ты учишься? — поинтересовался Фидель Кастро.

— Учусь в школе-интернате.

— Тебя сюда отпустили?

— Нет. Сбежал...

Вождь кубинской революции минут десять говорил с мальчиком как с равным. Го-

находился военный городок. На большой площадке под открытым небом были расставлены столы, за которыми разместились несколько тысяч человек.

Около 11 часов вечера приехал Фидель Кастро. Его сразу окружили люди, дружески хлопали по плечу. Со всех сторон слышались возгласы:

— Фидель, выступи!

Глава кубинского правительства обошёл гостей, поздоровался с ними. К нему протиснулся худенький черноволосый мальчонка и

Семья Гонзалес — отец и два сына — в строю народной милиции.

ворил серьёзно, убеждённо, страстно. Он убеждал паренька в том, что прилежно учиться — значит оказывать большую помощь революции. Ведь стране так нужны образованные люди!

Через несколько минут Фидель Кастро выступил с речью.

В первый год кубинской революции, сказал он, происходило становление народной власти. Второй год был занят аграрной реформой. Третий, 1961-й год, должен стать годом образования. Не должно быть ни одного кубинца, заявил премьер-министр, который к концу 1961 года — года просвещения — не сумел бы сам прочесть: «Да здравствует революция!»

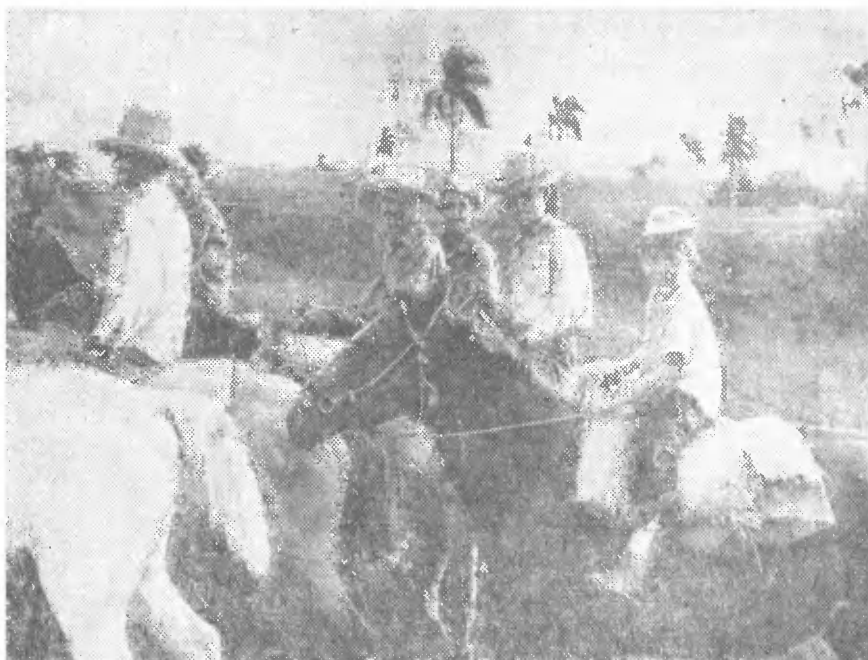
Так сказал на новогоднем приёме Фидель Кастро, и его слова были встречены криками одобрения и громом аплодисментов.

Ведь все присутствующие знали, что до революции поло-

Патруль народной милиции на берегу Мексиканского залива.

вина кубинских детей не имела возможности учиться. Около двух миллионов взрослых ещё неграмотны и теперь.

Нынче и стар и млад сел за буквари и учебники. Мы встречали пятнадцатилетних юношей и девушек, которые учатся во втором классе, и восемнадцатилетних учащихся пятых—шестых классов.

Крестьяне возвращаются с работы домой.

«Быть образованными — значит быть свободными!» — под таким лозунгом проводится в стране год образования...

Когда 2 января нас пригласили на парад народной милиции, мы ещё находились под сильным впечатлением новогоднего приёма.

Первое, что нам бросилось в глаза, когда мы прибыли на главную площадь кубинской столицы, — это огромный монумент из белого мрамора, установленный в честь героя национально-освободительной борьбы кубинского народа в XIX веке Хосе Марти.

Здесь на площади возле трибун мы опять увидели Фиделя Кастро. Премьер-министр отдавал какие-то распоряжения, уточнял вместе с командирами график движения частей.

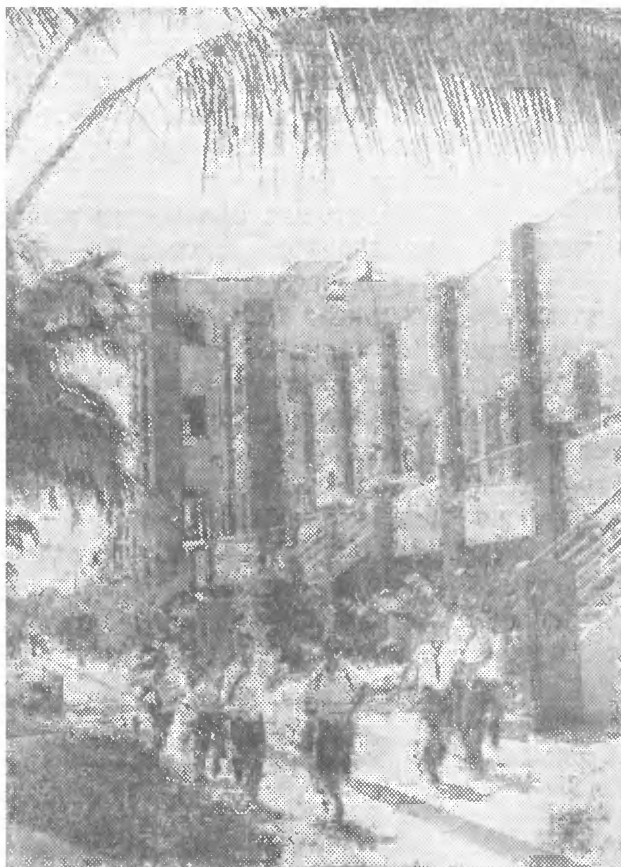
Начался парад. Отряды на-

родной милиции, закончив марш по площади, садились на машины и отправлялись на позиции. А оттуда прибывали новые и новые подразделения.

Этот грандиозный парад вооружённого народа, поднявшегося на защиту родины, продолжался с утра до вечера.

К вечеру небо над Гаваной заволочло свинцовыми тучами — их пригнал ветер с Мексиканского залива. Пошёл дождь. Огненные стрелы молний прорезали небо.

Но ни ветер, ни гром не могли заглушить могучего голоса Фиделя Кастро, выступившего с речью: «Мы спокойно и уверенно смотрим в глаза опасности, нависшей в эти дни над Кубой... Мы никогда не будем побеждены».

В здании бывшей казармы теперь помещается школа.

единяет свыше тысячи работников. Он возник на земле бывшего помещика.

— Никогда помещики не вернутся на нашу землю. Умрём, но не пустим их обратно, — сказали нам члены кооператива.

Надо понять чувства этих людей, получивших после революции землю. Кубинские крестьяне до революции были лишены земли. Земля принадлежала аме-

Юннатам, наверное, интересно знать, что сахарный тростник — рослое растение, достигающее четырех-пяти метров, с широкими листьями.

Тростник — богатство Кубы. Уборка его производится вручную, длинным ножом — мачете. Крестьяне отсекают при помощи мачете стебель. Эти стебли-палки, в которых содержится сахар, увозят на заводы.

Мы делаем остановку в сельскохозяйственном кооперативе «Куба либре» (провинция Матансас). Крестьяне нас встречают приветливо, угощают фруктами. Охотно рассказывают, что кооператив объ-

риканским капиталистам и крупным помещикам. Люди рождались на чужой земле, строили на ней хижины, работали и умирали. Бедность, нищета, бесправие всю жизнь сопутствовали кубинским крестьянам.

Многие из вас, наверное, читали, что, когда Колумб открыл Кубу, он увидел там селения с большими домами, окружёнными возделанными полями. На этих полях росли неизвестные европейцам растения. Что это были за растения? Кукуруза и картофель! Эти культуры европейские мореплаватели привезли домой. Они распространились потом

по всем странам. Но вот удивительно: на кубинских полях их почти не увидишь! Почему? Ларчик открывается просто. Американским капиталистам, которым принадлежали лучшие земли, выгоднее было сеять сахарный тростник. Он и вытеснил кукурузу и картофель с кубинских полей.

Сахарный тростник не надо сажать каждый год. Удивительное это растение! Оно свыше десяти лет даёт урожай.

Вот и текли с сахарных плантаций денежные реки в сейфы богачей.

Теперь с этим покончено. Хозяин земли тот, кто на ней трудится, — крестьянин.

Крестьяне стали жить зажиточнее. Они сносят свои жалкие лачуги и строят дома.

На этой дощечке написано: «Здесь родилась свобода Кубы». В этом месте 2 декабря 1956 года с яхты «Гранма» высадились Фидель Кастро и его друзья, чтобы начать борьбу за освобождение родины.

...Но пора в путь. Прощаемся с гостеприимными хозяевами, садимся в машины, едем дальше.

Рыбачий посёлок Монсанильо. Нас размещают в доме, где когда-то жил помещик. После короткого отдыха беседуем с рыбаками. Они объединились в рыболовецкий кооператив. Государство ссудило им деньги, на которые они приобрели моторные лодки и орудия лова.

Раньше приходилось сдавать улов спекулянтам-перекупщикам. А они не любили раскошеливаться: назначали

за рыбу очень низкую цену. Теперь рыбаки сдают улов государству, которое хорошо им платит.

После беседы рыбаки пригласили нас на охоту за акулами. На моторке подошли к островку, возле которого большая глубина. Здесь, оказывается, любят «прогуливаться» акулы.

Наши хозяева поймали какую-то рыбу, насадили её на крючок, бросили в море.

Вскоре моторная лодка вздрогнула и поплыла, — её потащила акула. Но вот лодка остановилась.

— Смотрите, синьоры! — воскликнули наши друзья и сокрушённо начали качать головами.

Перегнувшись через борт, мы увидели проплывавшую недалеко от нас акулу. Ей каким-то образом удалось оборвать стальной тросик, на котором крепился крючок. Рыбаки начали извиняться за неудачу. Но мы их успокоили: что с акулы требовать!

На обратном пути к берегу мы разговорились с Исидро, сыном председателя рыболовецкого кооператива.

Исидро, как и его сверстники, учится в школе.

— Кем ты хочешь стать? — спросил я.

— Честным человеком, синьор! — Он помолчал и добавил: — Республике нужны честные люди. Такие, как Фидель!

А спустя некоторое время мы снова услышали о Фиделе Кастро.

Недалеко от селения рыбаков, в непроходимых мангровых зарослях нам показали деревянную арку с надписью: «Ворота свободы».

То, что мы услышали, не могло нас не взволновать.

Здесь в декабре 1956 года с яхты «Гранма» на берег родной страны после эмиграции высадился Фидель Кастро вместе со 185 своими товарищами, чтобы начать борьбу за свободу Кубы.

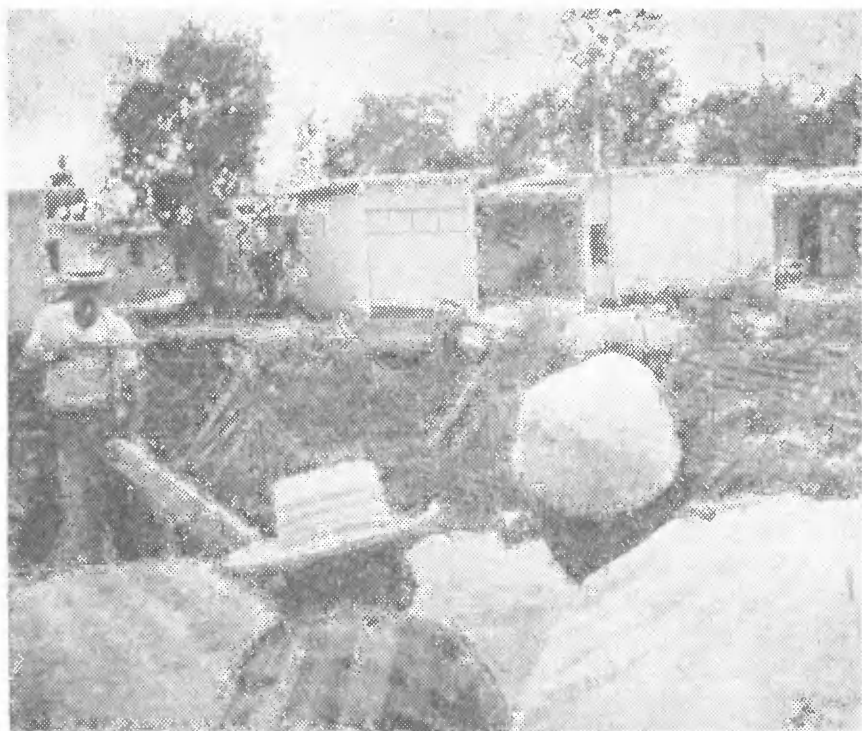
Перед высадкой на берег отважным патриотам пришлось перенести на судне двухдневный шторм. Они вышли на побережье обессиленные, измученные морской болезнью, но не павшие духом.

Осмотревшись, двинулись по болоту вперёд. Идти было нелегко. То и дело кто-нибудь проваливался по пояс или плечи в болотную жижу. Но на помощь приходили друзья:

Там, где шагали когда-то эти герои, теперь сделаны деревянные мостки. Мы стояли на них и, затаив дыхание, слушали рассказ сопровождавшего нас кубинского друга.

Отряд Фиделя Кастро попал в засаду солдат Батисты.

Завязался неравный бой. Только двенадцати смельчакам удалось прорваться и укрыться в горах Сьерра-Маэстра. Среди них были Фидель Кастро, его младший брат Рауль, Эрнесто Гевара (теперь директор Национального банка Кубы) и Камило Сьенфуэгос.

Много невзгод пришлось перенести этим двенадцати. Они оказались в глухих горах, в разорванной одежде, без продуктов, без связи.

Но молва о них — борцах за свободу — на незримых крыльях облетела уже весь остров. И в горы тайком двинулись рабочие, крестьяне, студенты, мальчишки, чтобы бороться за счастье народа.

Шагал в те дни по глухой горной тропке мальчишка с выразительными чёрными глазами — Хуан Карманьелос.

Прослышав о партизанах, он убежал из дома в горы.

Хуана неожиданно окликнули незнакомые вооружённые люди. Мальчишка догадался, что это партизаны. И вскоре он уже разговаривал с одним из

Строительство жилых домов в кооперативе.

их руководителей — Камило Сьенфуэгосом.

Камило, положив руку на плечо мальчугана, горячо говорил о своей мечте: «Мы завоем свободу. И у подножия гор построим большую светлую школу...»

Мальчик Хуан, который когда-то, разинув рот, слушал Камило, вырос, прошёл большую школу борьбы и стал одним из руководителей повстанческой молодёжи Кубы.

У подножия гор, где родилась партизанская армия, он руководит строительством крупнейшего в стране школьного городка, который носит имя героя кубинской революции Камило Сьенфуэгоса.

Камило Сьенфуэгос погиб в борьбе за свободу родины, но его светлая мечта воплощается в жизнь. В школе-интернате будет жить, учиться и работать несколько тысяч школьников. Пока что учится первая партия воспитанников — несколько сот мальчиков.

Шестимиллионный кубинский народ хочет, чтобы его дети — и белые и чёрные — учились и стали образованными людьми.

Я неспроста сказал: и белые и чёрные. Теперь они живут в дружбе, плечом к плечу строят новую жизнь. Никто не имеет права унижать и оскорблять негров.

Когда жители Санта-Клара узнали, что в их городе советские гости, они собрались на площади перед отелем, где мы остановились, и скандировали:

— Куба си, янки но! Руссо си, янки но!

В толпе было много негров. Один из них нам рассказал, что при диктаторе Батисте для негров в садах и парках были специальные дорожки и скамейки. Чернокожий не имел права гулять и отдыхать вместе с белыми.

— Революция дала нам все права, — заключил наш собеседник.

В этом же городе мы познакомились с двадцатилетним революционером Педро Лабрадором. Он партизанил в горах, совершил немало подвигов, а сейчас руководит в провинции народной милицией.

Живой, общительный, он повёл нас в учебный центр, где занимались народные милиционеры. Возле входа на учебное поле толпилось много женщин и девушек с корзинками — они принесли обед своим мужьям и братьям.

— Педро Лабрадор кого-то мне напоминает, — сказал один из членов нашей делегации. — Только кого — не могу вспомнить.

Уборка тростника в народном имении.

Мы задумались. И у нас было такое же чувство.

Наконец вспомнили. Педро и по характеру, и по боевой биографии как две капли воды был похож на своего русского тёзку — чапаевского Петьку!

Запомнился мне ещё один юный кубинец — тринадцатилетний Рехино с окраины города Сант-Яго. Он подошёл к нам, когда мы осматривали район, который до революции назывался «Радостным взглядом». Ничего радостного в то время здесь не было. Такое название району в издёвку дали богачи. Здесь среди куч мусора и нечистот ютились жалкие лачуги бедноты.

Теперь они сносятся. На полуразвалившиеся хижинки буквально наступают новые, окрашенные в яркие краски, уютные домики. На каждом висит табличка с надписью: «Спасибо, Фидель!».

Этот район теперь получил другое название: «Новый Радостный взгляд».

На Кубе до революции сотни тысяч людей не имели жилищ. И поэтому очень популярен в стране лозунг: «Крышу — для каждого кубинца!»

Рехино похвастался нам, что скоро он пойдёт в школу. Первый урок будет в новой школе, которая здесь строится.

— Строителям помогает отряд из тридцати мальчишек, — сказал Рехино.

— Отряд? А кто его создал?

Рехино гордо выпрямился:

— Я, синьоры руссо!

— Сидя в машине, мчавшей

нас обратно в Гавану, я невольно думал о том, что главное богатство Кубы — это люди, готовые самоотверженно служить революции.

И все мы несказанно обрадовались, когда в Гаване нам сообщили, что с нами хочет встретиться вождь этих людей — Фидель Кастро.

Премьер-министр находился в то время в одной из провинций, и мы на машинах отправились к нему. К вечеру достигли какого-то канала. Пересели на катера и поплыли.

Вскоре катер слегка ударился кормой о деревянный пирс. Мы вышли и увидели, что находимся на небольшом островке, в центре которого стоит домик из гофрированного металла.

Матросы, доставившие нас сюда, сообщили, что остров носит романтическое название — «Остров сокровищ».

Нас встретила секретарь Фиделя Кастро и пригласила войти в дом.

Когда мы сидели за столом в ожидании ужина, прибыл премьер-министр Кубы.

В комнату вошел высокий человек могучего сложения — Фидель Кастро. Поздоровавшись с нами, он сел за стол.

Фидель Кастро был в куртке с погонами майора — чёрно-красный ромб и белая звезда.

Майор — это высшее воинское звание в кубинской армии. Майора кубинцы называют команданте.

Глава кубинского правительства был оживлён, его

Премьер-министр Фидель Кастро
прибыл на стройку.

карие глаза блестели. Он только что вернулся с места боёв, где народная милиция уничтожает банды контрреволюционеров.

Беседа затянулась далеко за полночь. Вождь кубинской революции расспрашивал нас о Советском Союзе, к которому он относится с величайшей симпатией, о наших впечатлениях от поездки по Кубе.

Человек негибаемой воли, Фидель Кастро добр, отзывчив, отлично знает нужды своего народа.

Он взял на воспитание шестнадцать мальчиков — детей погибших воинов. Они живут и учатся вместе с его сыном Фиделико.

Доктор Фидель Кастро — прекрасный спортсмен. Он играет за сборную бейсбольную команду армии, участвует в соревнованиях рыбаков.

...Перед рассветом мы легли спать в одной комнате с Фиде-

лем Кастро. Легли по-походному, не раздеваясь.

Комната напоминала каюту корабля, — к стенам в два ряда были привинчены кровати.

Я заметил, что Фидель Кастро включил маленькую лампочку, открыл книгу и начал читать. Интересно, что за книгу читает он после напряжённого дня? Спросить об этом я не решился, но на следующий день увидел эту книгу в машине кубинского премьер-министра. Это был «Разгром» Александра Фадеева на испанском языке.

Утром мы сели в моторную лодку и двинулись по каналу. Фидель Кастро показал нам курортный городок для трудящихся, который строится неподалёку от «Острова сокровищ».

Живописный городок был

похож на индейскую деревню, — домики, уютные и красивые, стояли на сваях посреди лагуны.

— Вам нравится? — спрашивал Фидель Кастро.

Потом мы пересели в машины, и Фидель Кастро повёз нас осматривать кооперативы.

Кубинский премьер-министр всё время в движении, он постоянно ездит по стране.

— У меня нет кабинета! — в шутку сказал он. — Мой кабинет — в автомашине.

За машиной главы кубинского правительства везде следует небольшой красный грузовичок. Он возит постель. Там же находится небольшая библиотечка.

В одном кооперативе машину остановил старик крестьянин в широкополой шляпе. Он держал за руку мальчугана.

— В чём дело, отец? — спросил Фидель Кастро.

— Я хочу тебе пожаловаться, Фидель. Внука записали в народную милицию, а меня не берут. Говорят, что стар.

— Сколько тебе лет, отец?

— Восемьдесят два. Да что из этого! Врагов бить я могу не хуже молодых.

Этот разговор обрадовал Фиделя Кастро. Его лицо просияло.

— С таким народом Куба непобедима, — сказал он.

Вместе с Фиделем Кастро мы возвратились в столицу республики Гавану.

А на следующий день мы уже покидали эту героическую страну. И снова под крылом самолёта — Куба. Теперь мы с ней познакомились и ещё больше полюбили. Там, внизу, остались наши друзья.

Литературная запись

М. БЕРЕЖНОВА

Фотоснимки В. Володкина

Кубинский народ встал на защиту Родины

Рано утром 15 апреля над Гаваной раздались взрывы. Американские пираты — самолёты «Б-26» напали на кубинскую столицу.

Американские империалисты, совершив это преступление, попытались уйти от ответа. Но вор пойман. На осколках бомб стоит клеймо: «Сделано в США».

На Кубу напали отряды бандитов, которые готовились в специальных лагерях в американском штате Флорида. Они высадились на рассвете на южном побережье Кубы в провинции Матансас.

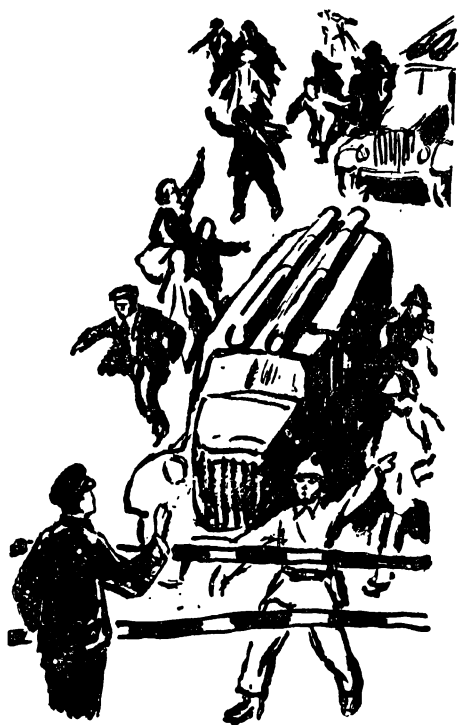
Вся страна взяла в руки оружие. Каждый кубинец, где бы он ни работал, считает себя бойцом революционной армии. «Империалисты, — заявил Фидель Кастро, — не могут простить кубинцам их готовности к жертвам и революционной стойкости. Они не могут нам простить того, что мы совершили социалистическую революцию под самым носом США и что мы готовы защищать эту социалистическую революцию».

В течение нескольких дней армия и национальная милиция революционной Кубы вели решительную борьбу против наемников империалистов США.

Отряды контрреволюционеров были разгромлены. Народ Кубы победил!

Случай на переезде

На улице, на улице
Шумит народ, волнуется.
Тревога и смятение
На улице кругом.
Кричу я: — Что такое?!
И отвечают двое:
— Горит за переездом
Одноэтажный дом!
От площади базарной
Летит отряд пожарный.
— Скорее к переезду!
А там — рукой подать! —
Пожарные в машинах —
Какие молодчины!
Они всегда готовы
Борьбу с огнём начать.
Но возле переезда
Машины — стоп! Ни с места!
Дежурный объясняет,
Что переезд закрыт:
— Через минуту ровно
Пойдет состав на Ровно.
Спешит он с важным грузом,
Вы слышите, — гудит! —
Кричат ему: — Товарищ!
Ты ничего не знаешь!
Твой дом горит, товарищ!
Нельзя же так стоять! —
Сказал дежурный: — Вижу.
В огне уже полкрыши...
И всё-таки шлагбаум
Я не могу поднять. —
...Прошёл товарный поезд.
О чём-то беспокоясь,
Махал в окно рукою
Чумазый кочегар.
Пожарные молчали.
И люди понимали:
Из-за такой задержки
Не потушить пожар.
Минута есть минута.

И, повернувшись круто,
Сжав губы, вытер слёзы
Дежурный рукавом.
Он знал: нельзя иначе,
Ведь на посту не плачут.
И, сняв зачем-то шапку,
Забыл о ней потом.
...В толпе большой и тесной
Я шёл от переезда
И разговор нечаянно
Услышал за спиной:
— Мы дом ему поставим
И новоселье справим.
А парень он — геройский!
Не то, что мы с тобой.

Разговор о дирижёре

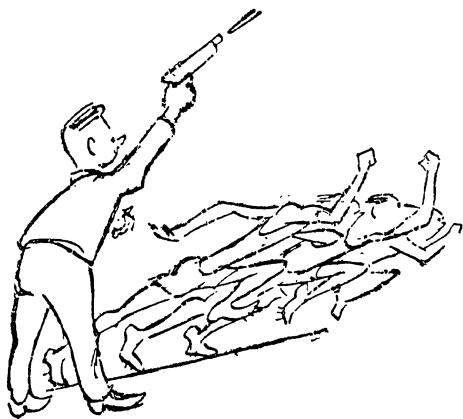
СЛУЧАЛОСЬ ли вам, ребята, задуматься: зачем нужен в оркестре дирижёр? Стоит перед оркестром какой-то человек спиной к публике, размахивает руками, а сам ни на чём не играет... Нужен ли он музыкантам? Оказывается, нужен. И от того, как и что дирижёр показывает своей палочкой, зависит очень многое.

Представьте себе бегунов на старте. Они приготовились сорваться с места и ринуться вперёд... И вдруг вместо выстрела им кричат: «Ну, давайте, бегите, что ли!» Как, по-ва-

шему, смогут бегуны по такой «команде» оторваться от старта одновременно?

Вот и считайте, что первую обязанность дирижёра мы выяснили. Оркестру, в котором иногда играет более ста человек, нужна чёткая команда, чтобы всем одновременно начать играть. Но в отличие от бегунов, которые к финишу придут один за другим, оркестранты должны закончить музыку все вместе — опять по знаку дирижёра.

Но этим не ограничиваются обязанности дирижёра. Вы

знаете, что в одной и той же музыкальной пьесе есть и громкие и тихие места. И вот играет эту пьесу оркестр. Один музыкант начнёт играть тихо несколько раньше, чем надо; другому покажется, что тише надо играть, наоборот, позже; а третий вообще позабудет, где надо играть тише... Представляете, какая неразбериха получится?

И здесь опять на первый план выступает командир — дирижёр. Именно по его сигналу все музыканты, сколько бы их ни было, могут одновременно сыграть «тихо» или «громко». Это ещё одна обязанность дирижёра.

Вы знаете разные музыкальные пьесы. Например, марш — музыка всегда громкая, чёткая, бодрая. У колыбельной музыка совсем другая — тихая, нежная, убаюкивающая. А теперь представьте, что эту колыбельную не мама поёт, а играет оркестр в сто человек! Все музыканты знают, что надо играть тихо, но без чьего-либо постороннего наблюдения сделать это очень трудно. И

здесь, оказывается, очень нужен дирижёр, который сам не играет, а слушает, оценивает со стороны, как звучит оркестр, показывает, кому надо играть чуть громче, а кому потише, — «выравнивает» звучность оркестра. Это его третья обязанность.

Есть и четвёртая. Каждое утро вы слышите по радио урок гимнастики. Идёт он под музыку, а кроме того, вам считают: «раз, два, три», чтобы вы не сбились с темпа. А для чего гремит барабан, когда вы идёте в пионерском строю? Тоже для того, чтобы все шли в ногу, ровным строем. Иначе один пойдёт чуть быстрее, другой отстанет. Вот музыка и организывает всех.

А теперь представим, что оркестр играет вальс. Кто-то из музыкантов немного затопился, кто-то замедлил темп. И если перед глазами музыкантов не будет дирижёра, то очень скоро они перестанут играть вместе, «разойдутся». Дирижёр сделать этого не позволит. Он всё время следит, чтобы музыканты держали нужный темп, чтобы не затянуть вальс, как похоронное шествие, или, наоборот, не кончить его бешеным галопом.

Но и на этом не кончаются обязанности дирижёра.

Музыку, которую играет оркестр, нужно хорошо, как говорят, «с душой» исполнить. А ведь каждый человек чувствует и понимает музыку по-своему. Даже одну и ту же песню разные артисты поют по-разному, каждый со своим

«выражением». Но когда музыкантов в оркестре много, нужен кто-то один, чтобы по его воле все играли с одинаковым, продиктованным им «выражением», — нужен дирижёр. Только по его знаку можно будет где-то замедлить, а где-то, наоборот, ускорить темп для того, чтобы музыка звучала выразительнее. И получается, что музыку как бы исполняет один дирижёр на одном огромном инструменте, в который слились десятки других, исполняет её по-своему, так, как он её чувствует.

Вот почему, слушая одно и то же музыкальное произведение в исполнении одного и того же оркестра, но управляемого разными дирижёрами, мы каждый раз замечаем что-то новое.

Среди дирижёров мира лучшими сейчас являются: американец Стоковский, француз Клюитенс и наш советский дирижёр Мравинский, представленный недавно к званию лауреата Ленинской премии. Этих трёх дирижёров можно было видеть в концертах Филармонии. И что же?

При мастерском владении основами дирижирования это три совершенно разных музыканта. Возьмём в качестве примера первый жест дирижёра, когда он даёт начало пьесы. У Стоковского — это скупой, строгий жест кистью руки, у Клюитенса — лишь едва заметное движение двумя пальцами; у Мравинского — широкий жест двумя руками. Это различие, может быть, выгля-

дит на бумаге несколько механическим. Зато посмотрите на руки дирижёров и на их лица! Здесь язык жестов, выражение глаз оказываются самыми доступными, самыми доходчивыми и понятными, невзирая на то, что три дирижёра принадлежат к разным национальностям, говорят на разных языках. И этот язык понятен не только любому исполнителю, любому музыканту. Он может очень многое, просто человеческое сказать и слушателю, внимательно следящему за дирижёром, чувствующему вместе с дирижёром.

А как дирижёр разговаривает с оркестром? Жестами: движениями палочки (которой дирижёры пользуются уже около 150 лет), движениями рук, одних только пальцев. Да и сам он не стоит неподвижно: он ритмично раскачивается, наклоняется, делает различные движения головой. Даже лицо и глаза помогают его работе—

и здесь выражения могут быть разнообразными до бесконечности.

Дирижёр не может говорить, потому что, во-первых, это будет отвлекать музыкантов и слушателей от музыки, во-вторых, часто ему в громких местах пришлось бы просто кричать, чтобы музыкантам было слышно. Представляете себе такую картину!

Дирижёров можно сравнить с немymi людьми, которые тоже объясняются жестами рук и мимикой. Дирижёр обречён на полное молчание, и тем красноречивее становятся его жесты, выразительнее мимика.

— А как же, — спросите вы, — играют оркестры без дирижёра? Вот хотя бы оркестры в кинотеатрах...

Здесь секрет простой. Оказывается, и там есть дирижёр,

только мы его не замечаем, потому что он сидит и сам играет на каком-нибудь инструменте, а все свои дирижёрские обязанности выполняет заранее — на репетициях. Такие оркестры исполняют обычно небольшие музыкальные произведения, и на репетициях их можно разучить так, чтобы потом играть просто наизусть. А команду начала подаёт один из оркестрантов.

Теперь вы представляете себе, какова роль дирижёра. Это роль человека, несущего огромную ответственность и перед композитором, чьё произведение он исполняет, и перед оркестром, который целиком ему доверяет, и перед слушателями, которые только через дирижёра могут познакомиться с произведением, полюбить его или остаться равнодушными.

Как нашли чемпиона

Рисунки К. Бекташева

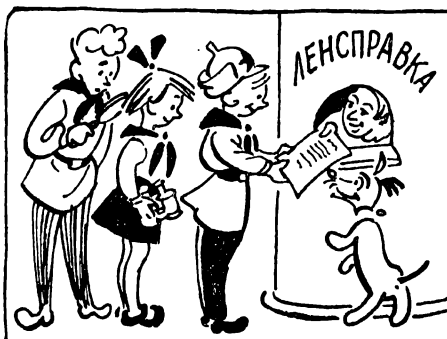
Текст С. Колина

Повезло Петрову Пете:
В старой порванной газете
Редкий снимок встретил он,
Подпись: «Юный чемпион».

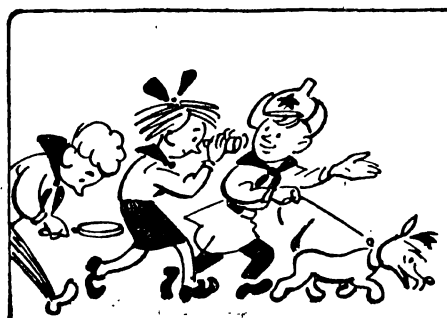
«Вот портрет Бугрова Коли.
Он, ребята, в нашей школе
Занимался до войны.
Мы найти его должны!»

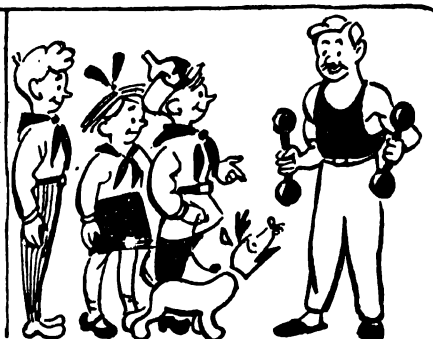
У окна «Ленсправки» давка.
«Что вам нужно, дети!» — «Справка.
Нужен нам спортсмен Бугров.
Где живёт он! Как здоров!»

«Есть такой! Живёт у порта.
Он, как будто, мастер спорта.
Есть ещё Бугров поэт,
Есть портной, а больше нет».

Справка есть! Пути открыты!
В путь смелее, следопыты!
Даже пёс Полкан не прочь
Им по-дружески помочь.

Рады Петя, Лена с Сашей:
— Ба! Директор школы нашей!
Найден наш спортсмен Бугров,
Чемпион средь прыгунов!

Весенняя песенка

Слова В. Суслова

Музыка Н. Агафонникова

Музыкальная партитура песни «Весенняя песенка». Песня написана в 4/4 такте, тональность B-flat major. В начале партитуры есть фортепиано (p) и пиано (p) обозначения. Текст песни:

1. В а п - ре - ле, в а п - ре - ле по -
каждой пане - ли ве - сё - лы - е капли стучат. В а п -
ре - ле, в а п - ре - ле гра - чи приле - те - ли и гнёз - да плетут для гра -
дят. Вес - на, вес - на и - дёт, и - дёт в про -

Припев: и - дёт в про -

В апреле, в апреле
по каждой панели
Весёлые капли стучат.
В апреле, в апреле
грачи прилетели
И гнёзда плетут для грачат.

ПРИПЕВ:

Весна идёт
в простор страны родной.
Весна зовет
тебя, хозяин молодой!
Слышишь, друг,
звенят тебе ручьи:
— Всё вокруг,
сады, поля — твои!
Из края в край
Ты по ним смелее шагай!

Проснулись моторы,
ведут разговоры:

— Пора тракторам или нет? —
Сидит у штурвала
водитель бывалый
Неполных тринадцати лет.

ПРИПЕВ.

На грядке, на грядке
совсем, как в тетрадке,
Линеек несложный чертёж.
Учитель на грядке
проверил посадки —
Пятёрку в журнале найдёшь!

ПРИПЕВ.

Летят к нам весною
дорогой прямою
Грядущего лета гонцы.
Под солнышком вешним
над каждой скворешней
Поют, заливаясь, скворцы.

ПРИПЕВ.

Сergeй Давыдов — поэт. Он пишет стихи. Хорошие лирические стихи для взрослых.

После войны Давыдов работал токарем на заводе «Севкабель».

Годы работы в цехе не забываются. Они всегда живут в памяти, сами просятся на перо. Вот так и появился у поэта первый рассказ «Спрятанный диск».

По секрету Сергей Давыдов признался нам, что мечтает написать книжку рассказов для ребят. Будут в этой книжке рассказы и о заводе, и о музыкальном взводе, в котором он служил 14-летним пареньком в годы Великой Отечественной войны. Несколько рассказов уже написаны. Два из них вы прочтёте в этом номере журнала.

Сергей Давыдов

Рисунки Ю. Шабанова

Спрятанный диск

ТОКАРНОЕ дело строгое. Если ты разболтанный и невнимательный — лучше не подходи к станку. Но и с бывалым человеком случаются ошибки. Это можно понять и простить.

А ведь бывает такое, что потом много лет пройдёт, и все давным-давно забудут, но у самого на душе словно царапина на сверкающей детали.

Вот какой случай произошёл у нас в цехе.

Наши станки стоят рядом — мой и Фёдора Грача. Давно мы уже работаем, много деталей выточили и считаемся опытными токарями. Но пятнадцать лет назад ошибались частенько. Ошибёшься, снимешь испорченную деталь — и

к мастеру: «Лука Васильевич, вот размер провалил». «Провалил» — значит меньше делал.

Лука Васильевич — маленький, седенький, заслуженный металлист, сорок лет в этом цехе отработал, всякое видел. Глянет он на тебя поверх очков, хмыкнет и, ни слова не говоря, даст новую болванку: «Точи снова, горе-токарь!» Стыдновато, но что ж поделаешь, — на то и учёба.

В тот вечер Лука Васильевич ушёл домой посреди смены, — прихворнул. Перед уходом он подошёл к нам:

— Вот что, ребятки, работу сделаете — и всё ко мне на стол в конторку положите. Особенно ты, Грач, твой диск

очень нужен к утру. Смотрите, не забудьте.

— Есть, Лука Васильевич, всё будет в порядке, — заверил мастера Фёдор.

Мы остались работать. В цехе горел свет лишь над несколькими станками. Это сейчас у нас много народу, а тогда, в последнюю военную зиму, были почти одни подростки.

Горит над станками свет, гудят моторы, дымится синеватая стружка. Работаем. Грач укрепил болванку, запустил станок — и ко мне. Очень уж он любил поболтать во время работы.

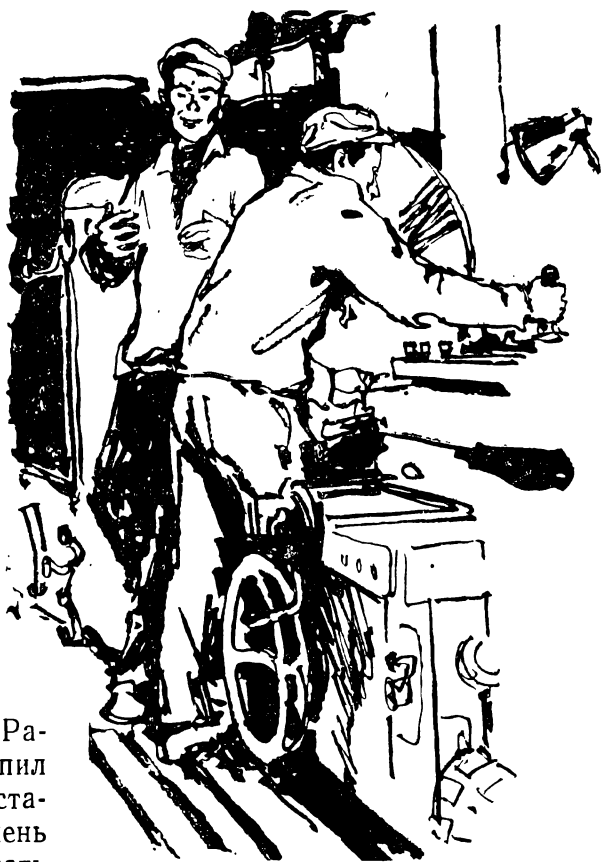
— Посмотри, Колька, какие я себе подковы к сапогам сделал, год сносу не будет. А вчера картину окончил...

Фёдор перерисовывал разные открытки. Разделит открытку на квадраты и рисует. Он гордо называл свою работу «картинами».

Фёдор порядочно мешал мне разговорами. Я боялся отвлечься и испортить работу. Но он так и сыпал новостями:

— У нас во дворе тётка карточки потеряла... А какой каток в Гавани есть, я один знаю... Вчера ко мне в форточку воробей...

Грач не договорил. Его станок натужно загудел и остано-

вился. С мотора соскочил ремень.

— Фёдор, смотри, с диском что-то! — крикнул я.

Он бросился к станку и засуетился над ним. Больше он ко мне не подходил.

Смена кончилась, я вычистил станок, положил сделанные детали на стол Луки Васильевича, стал собираться домой. Станок Грача ещё работал.

— Ты что, ночевать здесь решил? — спросил я.

Фёдор махнул рукой:

— Иди, я останусь, не доделал немного.

Я заметил, что он быстро отвёл глаза и как будто покраснел.

Домой я пошёл один. На деревья, на окна с наклеенными крест-накрест полосками падал снег.

«Где Федька каток отыскал? Вот бы покататься завтра», — думал я.

Придя на следующий день

на работу, я увидел, что в цехе творится что-то неладное. Все рабочие столпились около конторки мастера.

— Николай, — позвал меня Лука Васильевич, — иди сюда.

Я вошёл в конторку.

— А где диск, который Грач точил?

— Не знаю, Лука Васильевич, я домой ушёл, а Фёдор ещё работал.

— Куда он его сунул?

Старик нагнулся и стал шарить под столом. Вид у него был сердитый и расстроенный. Жёлтые, прокуренные усы нервно подёргивались. Лицо сморщилось ещё больше.

Кто-то крикнул:

— А вот и Фёдор!

Грач прибежал на работу, как всегда, за минуту до начала смены.

— Федька, Федька! — окликнуло его сразу несколько голов.

Фёдор сперва снял ватник, повесил его на ящик с инструментами, включил свет у станка и только потом вразвалку подошёл к нам:

— Чего орёте?

— Диск куда дел?

Он медленно обвёл нас глазами и лениво усмехнулся:

— Тот, что вчера точил?

— Ну да.

— Так я же его на стол мастеру положил, окончил и положил вот сюда.

— А где же он?

— Ну, знаете, я вам не сторож. Я работу сделал и домой пошёл.

Сказав это, Фёдор выбрался из конторки и направился к станку.

Долго в тот вечер суетливо бегал по цеху старенький мастер, заглядывая во все закоулки. Но так и не нашёл ничего.

А поздно вечером, уже перед концом работы, взял Лука Васильевич болванку, встал за свободный станок и принялся точить новый диск.

Подходили к нему рабочие,

хотели вместо него поработать, но он только приговаривал: «Нет, нет, моя вина, моя вина».

Старенький, слабый, до полуночи проработал, а диск сделал. Прошло время, мы начали забывать об этом случае. Стало пригревать солнце, капель зазвенела, потекли ручьи.

В обеденный перерыв мы выходили на улицу. Возле нашего цеха есть сквер со столом и скамейкой. Там можно поиграть в шахматы, домино. Есть небольшой фонтан. Снег уже сошёл, но в фонтанной нише ещё лежал, не тронутый солнцем.

Однажды Лука Васильевич принёс лопату и попросил меня выбросить снег из ниши. Снег слежался, заледенел, и я с большим трудом с ним справлялся.

Работа подходила к концу, когда лопата упёрлась во что-то твёрдое. Я копнул ещё раз, и вдруг из снега показался диск. Да, да, тот самый, что

точил Фёдор. Диск весь почернел от ржавчины, но всё равно я его сразу узнал. На ровной поверхности диска была глубокая вмятина, след от врезавшегося резца. Я сразу вспомнил всё: как беспечно болтал возле меня Фёдор, как натужно загудел его станок, и понял, что он специально остался тогда в цехе после всех, чтобы спрятать испорченный диск, чтобы отвести от себя вину.

Я взял диск и пошёл к мастеру. Старик глянул на него, молча покачал головой и отвернулся. А когда я снова увидел его глаза, мне показалось, что за стёклами очков поблёскивает слеза.

Как побитая собачонка вошёл Фёдор в конторку. Вино вато остановился у порога.

— Жулик ты, — только и

сказал Лука Васильевич, — видеть тебя не хочу.

...Пятнадцать лет прошло с того случая. Мы с Фёдором служили в армии, а потом опять вернулись на завод. Стали хорошими токарями.

Лука Васильевич давно на пенсии. На днях мы ходили его поздравлять с восьмидесятилетием. Все ходили. Только Фёдор не пошёл. Сунул мне подарок для старика — книги.

— Передай ему, он читать любит. А я уж не пойду. Пятнадцать лет прошло, а всё стыдно.

Токарное дело строгое, требующее большого мастерства. Иногда человек может и ошибиться. Но что должен пуще глаза хранить каждый — это рабочую честь.

С первого дня хранить.

Как назвать корабль

НАКОНЕЦ-ТО у нас появилась лодка! Вот она лежит на песке днищем кверху. От её побелевших, облезлых боков идёт пар. Одна уключина сломана, другой совсем нет, вёсел тоже нет, но лодка вот она, здесь! Ни на одном дворе в Гавани не осталось ни кусочка железа — всё мы подобрали. Хоть и недорого продал нам её сторож, но всё равно здорово пришлось потрудиться.

Мы с Олегом довольны, но Женька хмурится. Длинный, веснушчатый Женька, наш капитан, чем-то недоволен. Чу-

дак! Теперь не придётся больше бегать по берегу и кричать: «Дяденька, прокати, дяденька, хоть немножко...»

— На воду её надо, — проговорил Олег. — Ещё рассохнется, ишь как парит!

— На воду надо, — подхватил я. Уж больно хотелось увидеть, как закачается наша лодочка на рыже-голубой волне залива. Женька неодобрительно глянул на нас и отвернулся.

— На воду недели через две, не раньше, — пробормотал он.

Мы с Олегом даже свистнули.

— От вас зависит, можно и

быстрее отремонтировать. Не на такой же плавать! — Женька надавил ногой на днище, и оно мягко подалось вниз. — Киль гнилой, на носу щель, шпаклёвки совсем нет. Эх вы, мореходы! На воду...

Гаванских мальчишек не надо учить, как чинить лодку. Два дня осколками стёкол мы с Олегом отдирали старую краску. Женька доставал материал. У сторожа раздобыл специальной замазки — шпаклёвки, у отца выпросил крепкий брусоч для кия. Содрав краску, мы обнаружили на корме здоровую пробоину, заделанную жестью от консервной банки.

— Похоже, что от осколка, — сказал Женька, оглядев пробоину. — Наверное, в войну её ранило.

Ещё дороже стала нам лодочка.

ЖЕНЬКА с Олегом барахтаются где-то возле берега. Я заплыл далеко. Я плаваю лучше их, — меня научил отец. Хорошо было плыть с ним рядышком. Устанешь, за-

пыхаешься — он улыбнётся и скажет: «Ну что, Тюбитейкин, кончились силёнки, давай — цепляйся». Уцепишься за его плечо, отдохнёшь немного — и дальше.

Только в последнее время отец не плавал, врачи не разрешали. На работу его тоже не пускали. Он приходил к нам на берег, садился на корму и наблюдал за нами. Мы ныряли с баржи, а он ставил отметки. «Эй, Тюбитейкин! — кричал он Женьке, — что ноги, как лягушка, раскинул, держи их вместе... Тройка!» Олег падал в воду плашмя, и отец громко смеялся: «Побереги живот, пригодится. Тройка!»

Отца не стало этой зимой. Лёг он в госпиталь на операцию, пулю из лёгких удалять. Дышать ему не давала эта пуля. Операцию перенёс хорошо, хотели уже выписать, и вот...

Лежит пуля в шкафу, в коробочке. Пришёл ко мне Женька. Я ему показал. Женька поддерживал пулю в руке и сказал: «Эх, дядя Вася, дядя Вася». И заплакал. Один раз только я видел, как плачет Женька...

— Толик... То-ля! — донеслось до меня с берега.

— Чего они там? — Я нехотя повернул назад.

— Смотри, моторка новенькая!

Недалеко от баржи покачивалась на якоре ослепительно белая моторная лодка. Когда она здесь появилась? Раньше мы её не видели. Мы забежали по пояс в воду и стали осматривать лодку.

— Ишь, новая, даже якорная верёвка не почернела! — восхитился Олег. — А скорость, наверно, сто километров.

— Скажешь тоже, у «Метеора» восемьдесят, так он на крыльях, — отозвался Женька.

— «Метеор», «Метеор», а это «Стрела»...

И верно, возле носа синими чёткими буквами выведено: «Стрела». Солнце бьёт в толстое лобовое стекло. За стеклом большой чёрный руль с сигналом, как у автомобиля. От лодки пахнет свежей краской и бензином. Хороша!

— Вырасту, буду такие строить, — сказал я, когда мы возвращались к своей лодочке.

— А как мы свою назовём? — неожиданно спросил Олег.

— И верно. Как же мы не подумали об имени...

ВЕЧЕРОМ мы сидим на траве возле сторожа. Сторож работает на прокатной станции и заодно стережёт лодки любителей, скоро он и за нашей будет присматривать. Залив тихий-тихий, и мы ещё непременно выкупаемся перед тем, как бежать домой.

— Какое же вам имя придумать?..

Сторож снимает кепку, достаёт спрятанную в подкладке папиросу, закуривает.

— Тут у ребятишек есть лодка, так они её «Акулой» называли. Может, видели? Ещё на носу рыба голова с зубами нарисована.

— Видели, — отвечаем мы в один голос.

— А какая же это акула? Грязная у них лодка, дырявая, всё время надо воду черпать и ходу никакого нет. А вы молодцы. На вашей можно куда хочешь плыть.

Да... так имя, значит... Имя надо дать хорошее. Я когда воевал, комиссар у нас погиб, мы его именем батарею назвали... Батарея имени Крылова. Ну, а вам что придумать, просто не знаю.

Сторож докурил папиросу, поднялся:

— Пойду лодки погляжу...

— А как же имя, дедушка?

— Сами придумайте, хлопчики. Подумайте немного.

ВОТ ведь как получилось. Мне надо позабыть про лодочку. Мы её уже совсем починили, осталось только... Вот тут и загвоздка. В общем,

нужны деньги на краску, вёсла и уключины.

— Как быть? — спросил Женька. — Железо больше собирать негде...

— Ну, подумаешь, — возразил Женьке Олег. — Дома попросим. Что тебе отец не даст, что ли? Мой на хорошее дело сколько угодно даст, только попроси... Толик, что с тобой? Ты куда?

Что-то чёрное застлало мне глаза. Я отвернулся от друзей и пошёл к дому. Потом, словно боясь, что меня могут остановить, побежал.

ВТОРОЙ день я сижу дома. Ребята приходили за мной, но я попросил сестрёнку сказать, что меня нет. Она у меня хорошая, только маловата ещё, не понимает, что я никогда в жизни не попрошу у мамы денег. Маме и так трудно.

— Толик, иди есть!

Сестрёнка накрывает на стол, наливает картофельный суп. Она только и умеет пока варить этот суп, и мы с мамой едим его каждый день. Ничего, научится сестрёночка.

— Толик, они уже покрасили лодку.

Ложка выпадает у меня из рук.

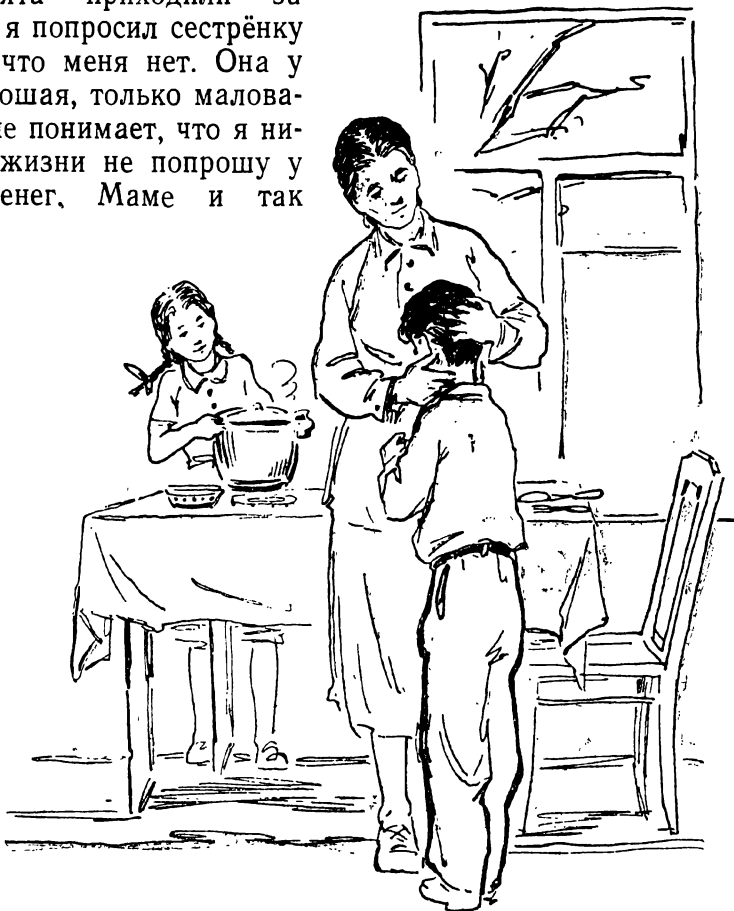
— Я тебя прошу, не говори мне о лодке.

— Завтра мы пенсию за папу получим. Попроси у мамы.

— Нет.

— Почему?

— Ну, хватит. Я тебе уже

сто раз объяснял. Дай поесть спокойно.

Сестрёнка замолкает.

Значит, они уже покрасили. Теперь можно и на воду. Лёгкая она у нас, быстрая. «У нас»...

ВОЖУСЬ в коридоре с сестрёнкой велосипедом, надо подтянуть цепь.

— Толя, — зовёт меня мама, — поди сюда!

Вхожу в комнату и сразу замечаю в руках у мамы деньги.

— Толик, возьми деньги и беги скорей к ребятам.

Я поворачиваюсь к сестрёнке, она непонимающе пожимает плечами. Нет, она не могла выдать.

— Какие деньги, мама?

Мама улыбается, прижимает мою голову к себе, целует:

— Мне твои дружки сказали. Эх ты, Толик-кролик.

— Не возьму я деньги, нам и так трудно.

Мама отодвигается от меня и тихо говорит:

— Ты что же, и меня обидеть хочешь, как своих дружков?

Зажав деньги в кулак, бегу к заливу. Только бы застать там Женьку и Олега. Обиделись они, наверное, здорово. Всё делили на троих. А тут я такое выкинул... Примут ли опять в свою компанию?

Я вбегаю на бугор, вот и берег. Но на берегу никого нет и лодки тоже нет. Уплыли уже... Эх! Теперь спешить некуда. Медленно иду возле самой воды. Вот покачивается на волне белая моторка, а вот... а вот наша лодочка. Я её сразу узнал, хоть и выкрашена она в зелёный цвет. И на борту какие-то буквы. Уже и название придумали. Подхожу ближе... на борту написано «Дядя Вася», — имя моего отца... Я сажусь на песок, и тут появляются Женька и Олег.

— А мы к тебе бегали, — говорит запыхавшийся Олег. — Всё равно без тебя не ушли бы в плаванье.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

70 ЛЕТ назад, в воскресенье 5 мая 1891 года, в нашем городе рабочие впервые провели нелегальную маёвку.

Первомайский праздник — это день боевого единства рабочих всего мира. История этого праздника такова. 1 мая 1886 года в Чикаго забастовали сотни тысяч американских рабочих. Они требовали установления восьмичасового рабочего дня. Перепуганная грандиозным размахом борьбы пролетариата, американская буржуазия бросила для разгона демонстрации войска и полицию. В возникших столкновениях много рабочих было убито и ранено, а ещё больше арестовано. Восемь человек были приговорены к смертной казни.

Эта кровавая расправа вызвала глубокое возмущение и забастовки солидарности у рабочих всего мира.

Позднее день 1 Мая был объявлен международным революционным праздником.

Инициатором проведения маёвки в Петербурге оказалась рабочая организация, руководимая революционером Михаилом Брусневым. Члены организации решили провести первую

(Из истории первой маёвки в России)

маёвку за городом, вдали от полицейских глаз. Это делалось для конспирации, чтобы царские шпики не смогли выследить места проведения маёвки.

Для выбора места несколько групп, или, как их называли, «экспедиций», тщательно обследовали пригороды Петербурга. После того как были взвешены все «за» и «против», окончательно было одобрено место для сбора на взморье у реки Екатерингофки (в лесу, расположенном недалеко от судоверфи Путиловского завода).

На поляне собралось около 200 участников маёвки. Это были главным образом рабочие и студенты. Здесь были передовые рабочие с Путиловского, Балтийского, Семянниковского заводов, с «Треугольника» и других предприятий. Перед началом митинга на одном из деревьев был укреплен плакат с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который служил как бы знаменем маёвки. Студент Цивинский привёс с собой и показывал со-

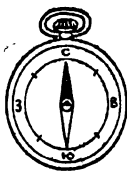
бравшимся политические карикатуры, высмеивающие царя и царскую политику. Вокруг слышались смех, веселье, шутки и песни.

С пламенными речами, зовущими к борьбе с самодержавием, выступили рабочие Ф. Афанасьев, Н. Богданов и К. Прошин.

Вот что пишет в своих воспоминаниях один из участников первой маёвки А. Фишер: «Расходясь... мы чувствовали, что хотя нас ещё немного, но энтузиазм, с которым мы возьмёмся за продолжение нашего дела, делает то, что нас скоро будет много».

Три года назад (29 апреля 1958 года), накануне майского торжества, у ленинградского завода имени А. А. Жданова был установлен шестиметровый обелиск из розового гранита. Верхнюю часть обелиска украшает барельеф с изображением развевающихся знамён. Ниже барельефа помещена надпись: «Здесь, в районе завода имени А. А. Жданова (бывшей Путиловской верфи), 5 мая 1891 года питерскими рабочими была проведена первая в России революционная маёвка».

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

Немецкий естествоиспытатель и писатель Людвиг Кох-Изенберг попал в колючих зарослях южного Мадагаскара на след неизвестного вымирающего народа. Вот что он рассказал о своем путешествии:

— С давних времён шли слухи о существовании на Мадагаскаре карликовых племён. Первые европейские мореплаватели, которые вступали на остров, встречали там низкорослых людей, быстро скрывавшихся из виду. Я провёл на острове, в поисках «микса» (так называется племя карликов), три недели. Путешествие по безводным пустыням и колючим зарослям острова далеко не безопасно. Нужно брать с собой воду, иначе человек обречён на гибель. Карликовые люди, видимо, собирают росу, которая по утрам здесь очень обильна.

На мой взгляд, племя «микса» — самое древнее из всех племён острова. Ранее «миксы» заселяли области, более благоприятные для жизни, но со временем были оттеснены более могущественными племенами в глубь острова и нашли последнее убежище в пустынных колючих зарослях.

Крупные грудные младенцы, которым ну-

«Карлики» с Мадагаскара

жно больше пищи, чем могут дать им недоедающие матери, как правило, умирают. Выживают более мелкие, неприхотливые. Так с течением столетий складывается низкорослый тип людей. Народ «микса» приобрёл карликовые формы из-за нужды и лишений.

Единственное достояние карликов Мадагаскара — огонь. Они не носят одежды, не имеют хижин и домашнего скота. Мужчины охотятся на диких зверей с помощью деревянной ду-

бинки или аркана. Женщины собирают корни, насекомых. Суеверные жители деревень, лежащих в округе, гонят их, когда «миксы» осмеливаются приблизиться к селениям.

Так в наш век обнаружен народ, который находится на стадии вымирания в результате политики, которую проводили французские колонизаторы.

ПОСЛАНИЕ ОБНАРУЖЕНО ЧЕРЕЗ 350 ЛЕТ

В 1856 году экипаж четырехмачтового брига «Грифтен» сделал необычную находку. Бриг сильно потрепало в «мешке бурь» (так моряки называют Бискайский залив). Для ремонта пришлось встать на якорь у подножья горы Джебель-Муса (Гибралтар). Капитан решил поохотиться на берегу. При возвращении задул сильный ветер. Для шлюпки потребовался балласт. Матросы бросили на дно несколько камней, среди которых оказался бочёнок, обросший ракушками.

Когда бочёнок вскрыли, внутри был найден кокосовый орех, залитый смолистым веществом, а в орехе — пергамент. Это было сообщение Христофора Колумба королю и королеве Кастилии о гибели каравеллы «Санта Мария».

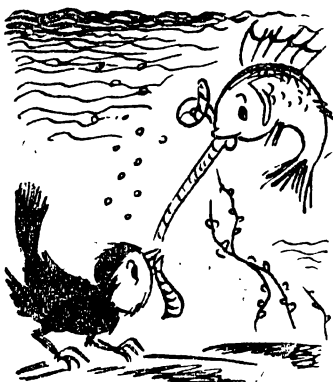
Послание скиталось в океане и пролежало на берегу более 350 лет.

«ВОДЯНЫЕ ВОРОБЬИ»

ПТИЦЫ, о которых идёт речь, внешне напоминают воробьёв. Только они несколько круглее, более подвижны и черны. Они не сухопутные и не водяные, а... подводные. Прекрасно плавают, ныряют. Пищу себе добывают преимущественно со дна водоёмов. Опускаясь на дно и бегая там, они заглядывают под корни и камешки. Попадётся червячок или паучок — в клюв его и наверх.

В трескучие морозы, сидя на мокрых холодных камнях, птицы задорно поют, и чем сильнее мороз, да если ещё и с солнышком, тем песня звонче и веселее.

«Водяные воробьи», или оляпки (так называются птички), водятся и у нас в Ленинградской области у незамерзающей речки Вруды в Волосовском районе и в водоёмах парков Гатчины.

ВОЗДУХ—ТОВАР!

В Австралии на вершине одной горы туристам предлагают покупать свежий горный воздух, «запечатанный» в консервные банки.

Как ни странно, на «горный консервированный воздух» находятся покупатели!

...что некоторые растения имеют температуру на несколько градусов выше окружающей? Снежный колокольчик сольданела, например, выделяет столько тепла, что своим «дыханием» растапливает снег.

...что в древние времена зонтик, которым мы укрываемся от дождя, был символом божества? В Индо-Китае даже крыши пагод строились в форме зонтов. В Европе зонт впервые появился в XVI веке. Через 200 лет во Франции были созданы своеобразные пуниты проката, где за плату выдавали зонтики, а также посылали специальных людей, которые сопровождали дам во время дождя. Только в прошлом столетии зонт получил широкое распространение во всём мире.

★
...что моллюски — морские животные с мягким телом, — покрытым раковиной, — обладают калорийностью значительно большей, чем такие рыбы, как сазан, судак? Содержание витамина «А» в них выше, чем в говядине. Некоторые из них, например дальневосточные мидии, — настоящие гиганты. Средний вес их около 500 граммов, а встречаются мидии и по килограмму.

★
...что самый длинный перелёт, совершённый птицами, равняется 17 600 километрам? Это расстояние покрыла стая арктических ласточек, прилетев из района Северного полюса к берегам Антарктиды.

★
...что сова летает совершенно бесшумно? По переднему краю крыла совы тянется острый гребень. При взмахе крыльев он тормозит поток встречного воздуха, отклоняя его в сторону, и таким образом гасит шум. Задний край крыла также снабжён своеобразным «глушителем» — мягкой бахромой, которая уничтожает воздушные завихрения. Пушистое оперение всего тела совы также глушит звук. Вот почему услышать полёт совы невозможно, даже если она пролетит над вашей головой.

ЧАИНВОРД «МОРСКОЙ»

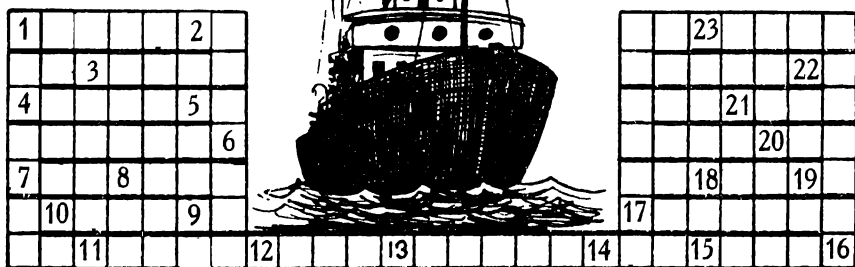
(Составил Олег СТОЯНОВ,
286-я школа)

Отдел ведёт В. Аментьев

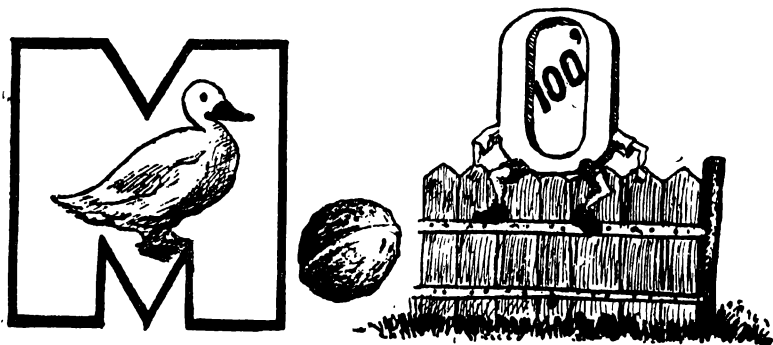

1. Легендарный крейсер революционной Балтики. 2. Плавучая ледяная гора. 3. Флаг на носу военного корабля. 4. Рыболовное судно. 5. Подводная скала, скалистая отмель. 6. Небольшой отряд судов. 7. Маленькая шлюпка. 8. Корабельная кухня. 9. Вдающаяся в сушу часть водной поверхности. 10. Принадлежность гребного судна. 11. Степень погружения судна в воду. 12. Старинное название якоря. 13. Совокупность деревянных частей корабельной оснастки. 14. Лестница на корабле. 15. Судовой движитель (не двигатель, обратите на это внимание!). 16. Угломерный инструмент, служащий для определения местонахождения

корабля. 17. Сеть для лова рыбы с борта судна. 18. Туго натянутый трос, предохраняющий людей от падения за борт. 19. Специальная настройка на палубе судна. 20. Группа островов, расположенных на небольшом расстоянии один от другого. 21. Снаряд, применяемый при охоте на китов. 22. Раздел науки о кораблевождении. 23. Приспособление для удержания корабля на месте.

РЕБУС-ЗАГАДКА

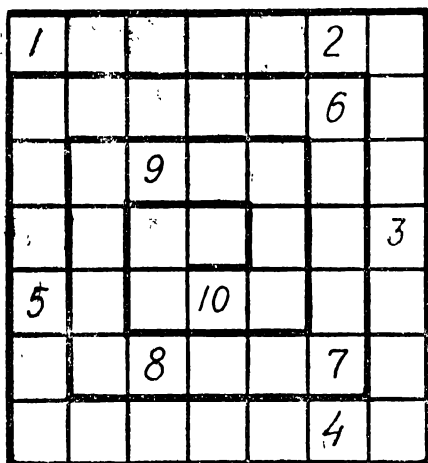

К ребусу, помещенному во 2-м номере «Искорки», подпись была поставлена ошибочно.

Помещаем здесь ребус, составленный нашими читателями — Колей, Сашей и Серёжей Великосельцевыми.

ИЗ ПЕРВЫХ БУКВ...

(ЧАЙНВОРД)

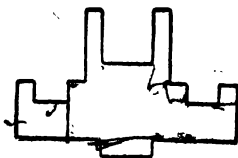

В этом маленьком чайнворде всего десять слов. Разгадав чайнворд, выпишите по порядку первые буквы всех его слов — они сложаются в пословицу.

1. Советский писатель, автор исторического романа, «Салават Юлаев». 2. Действующее лицо из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 3. Старинная русская мера длины. 4. Крупный порт на западном побережье острова Кюсю в Японии. 5. Произведение немецкого писателя В. Бределя. 6. Районный центр Каунасской области Литовской ССР. 7. Курортный город на берегу Чёрного моря при впадении в него одноимённой реки. 8. Областной центр в УССР, речной порт. 9. Жанр художественной литературы, отражающий жизнь путём изображения человеческих переживаний. 10. Низкий детский голос.

НА СЕМЬ ЧАСТЕЙ

(Толя ДАНИЛЬЦЕВ)

Разделите эту фигуру на семь частей, равных как по величине, так и по форме.

ВЕРНАЯ ПОСЛОВИЦА

(Наташа ИГНАТЬЕВА,
343-я школа)

Из пятнадцати слов, которые приводятся ниже, возьмите по две буквы и выпишите их в том же порядке, в каком перечислены слова. У вас получится пословица.

Обратите внимание на то, что нужно выбирать из слов такие две буквы, которые стоят рядом; нельзя, например, взять первую и третью или первую и четвертую буквы, — можно брать первую и вторую, вторую и третью, третью и четвертую, и т. д.

А вот пятнадцать исходных слов: ядро, стужа, кино, заяц, миг, Марс, итог, пятно, львёнок, сойка, вырок, Нева, вика, мода, статья.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 3)

ДВОЙНАЯ ЗАДАЧА

1. Кроссворд. 2. Доза. 3. «Аида». 4. Акр. 5. Рапсодия. 6. Ява. 7. Ангара. 8. Аренда. 9. Агроном. 10. Моа. 11. Айсва. 12. Ананас. 13. Сифон. 14. Нарзан. 15. Нива. 16. Автор. 17. Рвение. 18. Ежевика.

По горизонталям: все за одного, один за всех; коли с правдой, так не один.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Калина, рябина, тополь, яблоня, ива, вяз, берёза, можжевельник, ель, боярышник.

СКОЛЬКО ТРЕУГОЛЬНИКОВ?

Всего треугольников — 44.

НАША ОБЛАСТЬ

Тихвин, Выборг, Волхов, Приозёрск, Осьмино, Ломоносов, Всеволожская, Тосно.

РЕБУС-ШУТКА

Ползун ползёт, иголки везёт (ёж).

АРИФМОГРАММА

1. «Мать». 2. Ява. 3. Доде. 4. Неон. 5. Чека. 6. Ион. 7. Лира. 8. Гуно. 9. Уран. 10. Ода. 11. До. По спирали. Одна у человека родная мать, одна у него и Родина.

СОДЕРЖАНИЕ

Этот подвиг будет жить в веках!	1
Рассказ об одном письме. Г. Дейч	2
Памятный день. А. Безуглий	12
Гранька. Рассказ В. Крутецкого	14
Подкова счастья. Рассказ Л. Шестакова	19
Творчество юных. Сын. Стихотворение Валерия Заручевского. Степь. Стихотворение Миши Каледина. Дождик. Стихотворение Миши Зива	25
Кубинские встречи. Рассказ В. Володкина в литературной записи М. Бережнова	28
Кубинский народ встал на защиту Родины	41
Случай на переезде. Стихотворение В. Верховского	42
Разговор о дирижёре. Т. Кудинова	43
Как нашли чемпиона. Рисунки К. Бекташева. Текст С. Кольдина	47
Весенняя песенка. Музыка Н. Агафонникова. Слова В. Суслова	48
Спрятанный диск. Как назвать корабль. Рассказы С. Давыдова	50
Они были первыми	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки рисунок В. Сердюкова «На старте Ленинского похода Дружбы».

На второй и третьей страницах обложки фотоснимки В. Володкина к очерку «Кубинские встречи» (см. страницу 28-ю).

На четвёртой странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Встреча пернатых друзей».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 13/III 1961 г.	Подписано к печати 20/IV 1961 г.	4 печ. листа.
Тираж 75 000. М-07255. Зак. № 444.	Формат бумаги 70 × 108 ¹ / ₁₆ .	Цена 10 коп.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

На снимках: сверху вниз — отряд народной милиции; кубинским крестьянам понравился советский трактор «Беларусь».

Фото В. Володкина

Цена 10 коп

